

“Жил себе и умер себе”

**Переписка Алексея Шельваха и
Михаила Армалинского
1984-1992 годов**

M.I.P. Company
Minneapolis
2024

“Жил себе и умер себе”

Переписка Алексея Шельваха и

Михаила Армалинского 1984-1992 годов

Составитель и редактор Михаил Армалинский

M.I.P. Company, Миннеаполис США, 2024 – 124 с. илл.

Электронная книга

ISBN 978-0-916201-60-9 (ebook)

© 2024 Михаил Армалинский (его тексты и письма)

Переписка ленинградских литераторов Алексея Максимовича Шельваха (1948-2024) и Михаила Израилевича Армалинского (р. 1947) в конце XX века. В книге опубликованы факсимильные оригиналы писем, а также дополнения: фотографии, интересные факты о публикации книги Шельваха.

В предисловии М. Армалинского *Несмотря на смерть* рассказывается история его знакомства с А. Шельвахом.

Особый интерес представляет обсуждение в письмах *Тайных записок 1836-1837 годов* А. С. Пушкина, опубликованных в США в 1986 году.

В качестве приложения воспроизведена факсимильная копия книги стихотворений Алексея Шельваха *Черновик отваги*, изданной Михаилом Армалинским в 1988 году в США.

M.I.P. Company

<http://www.mipco.com>

mp@mipco.com

СОДЕРЖАНИЕ

Михаил Армалинский. Несмотря на смерть	4
Переписка Алексея Шельваха и Михаила Армалинского 1984-1992	12
Факсимильная копия книги Алексея Шельваха..... <i>Черновик отваги</i> , изданной в 1988 году	70
Marketing Отваги	119
Фотографическая память фотографий	123

Михаил Армалинский Несмотря на смерть

О моём знакомстве с Алёшей (я всегда его так звал) Шельвахом я писал Константину Кузьминскому, когда посылал для *Антологии Голубой Лагуны* его стихи. Константин опубликовал мои слова, так что я не буду повторяться, а просто их воспроизведу:

https://kkk-bluelagoon.ru/tom4b/sh_arm.htm

МИХАИЛ АРМАЛИНСКИЙ

/В ЛИТО У СОСНОРЫ. ШЕЛЬВАХ/

2/26/81

"... И вот читая, биографические данные о поэтах, я понял серьезность Вашей просьбы написать что знаю, об Алёше Шельвахе. Я понял также важность этого - но что останавливало меня - это во-первых, отвратительная память, которой я не могу хвастаться и, во-вторых нежелание произнесения нелестных вещей о людях, которых я по большому счету ценю. Прямота взгляда часто толкуется превратно, как желание опорочить или копаться в грязном белье, но, верьте, не это движет мной. Короче, попробую вспомнить, что смогу.

Есть /или уже "было"/ такое объединение в Ленинграде "Позитрон", а в народе - "Паразитрон". Я там работал в отделе научно-технической информации, производя в основном литературную информацию в изрядно свободное от работы время. Году в 1972 в многотиражке появилось объявление, что открывается при объединении ЛИТО, которое будет вести Виктор Соснора. Это имя было достаточно громким, чтобы вызвать отчетливое шевеление у всей пишущей братии объединения. Я с Соснорой лично знаком до этого не был, но строчки типа:

Дети стучают легонько
мирными сердцами,
создают из аллегии
миросозерцанье

завораживали, несмотря на то, что серьезного увлечения его поэзией не происходило.

На первое занятие пришло человек 30, и велось оно в одном из

помещений парткома, наполненном Лениным и ему подобными. Соснора явился в джинсовом костюме, с длинными волосами (которые закалывали назад редакторы на телевидении и заставляли сидеть в фас), тощий, с отчетливо трясущимися руками, что бросалось в глаза, когда он держал сигарету или листал книгу. Он нарисовал планы, прозвучавшие грандиозно: занятия по теории литературы и стихосложения, доклады о современной литературе, встречи с различными ЛИТО, совместные поездки за город (он осведомился, есть ли у кого дача), содействие в публикациях и т.д. Говорил он крайне медленно, останавливаясь где-нибудь на середине и думая о чем-то другом, и чтобы продолжить фразу из 10 слов ему требовалось очень много времени. Потом как принято, пошло чтение по кругу, которое выявило практическую (хотел сказать - бездарность) скажем, малоталантливость окружающих. Я же с подлым чувством отмечал про себя: мол, этот мне не соперник, тот - тоже и т.д.

Я же к тому времени состряпал свою первую книжицу под названием "NB" (Nota bene). Это была книжка о 100 страницах, любовно отпечатанная на машинке "Москва", с заставками, сделанными любимой девушкой и переплетенной тайно на том же "Позитроне". Я гордо вручил эту книжку Сосноре, и он с протяжным воодушевлением поднял ее в руке, показывая окружающим и говоря нечто вроде, вот, мол, как серьезно надо относиться к своему творчеству, и что если все вы такие, то мы, мол, далеко пойдем. Я пытался прибить пенящееся чувство радости за похвалу, поскольку понимал, что она никакого отношения к моим стихам не имеет, но сделать это было нелегко. Первое занятие длилось чуть больше часа, хотя мы рассчитывали на два - минимум.

На последующих занятиях объявилось несколько воинствующих графоманов, среди которых выделялся живчик Вильям Добровлянский, который слагал гладкие бесконечные стихи на злобу дня и при каждом удобном случае норовил их читать зычно и долго. Их запас был неисчерпаем, а производство безостановочным. Соснора явно мучился этой активностью, но лишь бессильно ухмылялся и пытался мягко закрывать Вильяму рот.

Но вот на занятии на третьем появился человек, не видимый ранее, ему было лет 25 и руки у него были рабочие. Он сел у самого входа, вдали, курил, не пытаясь заговаривать и ждал прихода Сосноры, как и мы. Опоздав как всегда минут минимум на 15, Соснора приветствовал пришедшего по имени, и перебросился с ним парой фраз, из чего я понял, что они знают друг друга давно и хорошо. В течение всего занятия незнакомец, к которому я стал чувствовать ревность, молча курил, не участвуя в обсуждениях, а в конце Соснора сказал: "Алёша, почитай чего-нибудь". Лёша вытащил листы, но не глядя на них, стал читать по памяти, смотря куда-то в сторону. И с первых

слов я почувствовал струю свежего воздуха, будто кто-то выбил окно в непроветриваемой годами комнате. Много я не мог уловить из-за его невнятного и монотонного чтения, но четкое общее ощущение явственного таланта, наполняло радость мои внутренности. Когда начали расходиться, я подошел к нему и сказал: "Ваши стихи - это самое лучшее, что я здесь слышал" и затем не удержался и самоутвердился, добавив: - за исключением моих." Он улыбнулся, сказал спасибо и разговора продолжать не стал, и мы разошлись. Позже, когда я спросил Соснору, кто это и как это он умудряется писать такие талантливые стихи, Соснора рассказал, что Алёша был еще вундеркиндом в пионерском возрасте и стихи его публиковали не то "Пионерская правда", то ли "Ленинские искры", что Соснора дружит с ним давно и всячески советует мне сблизиться с ним. Вне зависимости от этого совета нам удалось найти общий язык, чего мне не удавалось ни с кем из встречавшихся мне поэтов. Я объясняю эту удачу Лёшиной добротой и отсутствием у него попыток встать в менторскую позу. Алёша боится кого-нибудь обидеть, и это всегда выливается в тактичность, предупредительность, а часто и в застенчивость. Многие малознакомые быстро пытались назвать Соснору по имени, но Алёша всегда звал его по имени-отчеству и без всяких попыток панибратства. Жил он в комнатке (наверно и теперь - там живет) размером в одну десятую коридора купейного вагона - разойтись, не посторонившись, невозможно. Туда он потом поселил жену, которая поселила в свою очередь ребенка по имени Антон, к которому он проникался все большей и большей нежностью. Отношения с женой были далеки от мирных, а женился он на ней из жалости, чтобы прописать в Ленинграде. Впрочем, помимо жалости там примешивались и другие чувства, ибо жена была явно привлекательной и неглупой женщиной, и хоть в глубине души гордилась Алёшиным талантом, все пыталась обхаять поэзию и требовать, чтоб больше денег зарабатывал. Лёша работал токарем и все искал работу, которая бы не отнимала столько сил, но давала бы необходимые деньги. Ему что-то обещали, планы возникали, но все лопалось одно за другим, а вследствие своей мягкости, его нельзя было назвать энергичным. Однако отсутствие энергичности в бытовых вопросах не мешало ему найти достаточно сил и желания, чтобы выучить самому английский и польский языки и поглощать огромное количество книг, не забывая и о русском. Он делал блестящие переводы из современных польских поэтов - благо оригиналы по дешевке продавались в магазине "Книг стран нар. демокр." Помню одну строчку, не помню из кого:

...На хладных простынях он умирал и умер...

Это потрясающее слияние несовершенной и совершенной формы глагола создает невероятное поэтическое событие. Последние деньги тратились на книги. Или на водку, но что называется, не в ущерб семье. Очень часто он остывал к книге, которую доставал с большим трудом, и загорался достать другую и за неимением денег он соглашался на неравный обмен, отдавая ценные книги, но не замечая их формальной ценности во имя приобретения желаемой. Лёша всегда исключительно пунктуален в отдаче долгов, чем он тоже отличается от большинства Богемных жителей. (Ловлю себя на использовании прошедшего времени, но пишу я о прошлом, а о сегодня я знаю, что он пишет и переделал многие свои старые вещи до неузнаваемости, - как мне пишут, - плохой неузнаваемости, я сам не читал). Лёша всегда постоянно занимался переделкой написанного, он писал роман, псевдоисторический бурлеск - и читал наизусть из него куски по очень долгу - но в течение лет никак не мог его закончить¹. Он никогда не бравировал своими знаниями, но знал он невероятно много, особенно русскую поэзию, и всё это обнаруживалось невзначай и на деле, когда, например, на ЛИТО у Дара в клубе "Прогресс" просуществовавшем месяца два и закрытом парторганизацией за безыдейность или что-то в этом роде, Давид Яковлевич устроил что-то вроде "угадайки" - он нашел малоизвестные стихотворения известных русских поэтов и просил узнать - кто это, и только Лёша узнал тотчас Фета и еще кого-то.

Знаю, он долго чуть ли не дружил с Окуджавой, который лестно весьма отзывался о том, что Лёша делает в поэзии. Многие фыркали, что, мол, Лёша копирует Соснору, а Кушнер считал, что делаемое Лёшей уже сделано Заболоцким. По мне же подобные ассоциации кажутся в равной мере справедливыми, как утверждение, что всякий, кто пишет четырехстопным ямбом, копирует Пушкина.

Грандиозные планы ЛИТО "Позитрона" завершились нетрезвым весельем на даче одного из участников.

Году в 74 Соснора стал вести ЛИТО в клубе Пищевой Промышленности, и там мы встречались регулярно. На 40-летие Сосноры устроили инсценировку его поэмы "Хутор". Основную роль играла Галя Григорьева и ее брат (Саша?) Были изготовлены какие-то крылья и Саша усердно играл Ангела - порхал. Потом пошли к ним домой и там пили и ели - отмечали. Лёша пел песни Высоцкого, которого обожал, невероятно точно копируя его и бодро брэнча на гитаре. И действительно, Лёша внешностью очень напоминал Высоцкого. Лёша сочинял немногочисленные, но свои песни.

¹ в 2007 году петербургское издательство *Амфора* опубликовало роман Алексея Шельваха *Приключение англичанина*.

Одну помню лишь по названию: "Дочка губернатора".

Ходили вместе, навещали Соснору, очередной раз лежавшего в больнице. Было лето. Ленинград.

Когда я уезжал, Лёша обещался писать, но здесь почему-то пунктуальность изменила ему - ни строчки не написал, хотя я через третье лицо всячески напоминал ему о себе. И отсутствие переписки огорчает меня прежде всего потому, что я не могу получить его стихов. Через общих знакомых я достал 7 стихотворений в течение 4-х лет и несмотря на мои постоянные просьбы, скорость их поступления увеличить не удастся. О причинах Лёшиного молчания и медленности реакции на мои просьбы знакомых, мне остается только гадать.

Что меня поражает в Лёшиных стихах - это потрясающее чувство поэтического юмора - об алкаше у пивного ларька, стихотворение "Новелла": "как дискобол округлым рубликом размахивал...", не хулиганствующий, а добродушный эпатаж (опять же поэтический эпатаж): "семян излил бидон", не слепая погоня за звукописью, а находки звуко-смысловой гармонии ("желчь желаний, тлен таланта...")

А еще - человек он хороший.

Вот и все, что мне удалось вызволить из моей цепкой (на невыпуск) памяти. Если еще чего вспомню - допишу, коль не поздно будет.

* * *

По-прежнему, избегая повторений, вот ещё, что я писал об Алёше Шельвахе.² Дело происходило в году 1973:

Я приехал в Кохтла-Ярве днём...

...пора было ехать в библиотеку на моё выступление.

Когда я вошёл в библиотечный зал, я увидел его забитым народом. Я подумал, что, наверно, там идёт какое-то партийное собрание, после которого, вместо танцев, мне дадут почитать стихи для тех, кто решит остаться. Как же я был поражён, когда мне объяснили, что всё это скопление людей образовалось, чтобы посмотреть на меня да ещё и послушать. До того времени мне приходилось читать стихи максимум перед десятком-другим участников различных ЛИТО, но такая толпа никогда ещё не собиралась

² Из книги Михаила Армалинского *Максимализмы*: <http://www.mipco.com/win/Max.html>

слушать мои стихи. В основном это были юные существа женского пола, но были и мужчинки. Я читал не только свои стихи. Я также читал стихи Алёши Шельваха, с которым меня познакомил Соснора. Я ими тогда изрядно восхищался, и мы с Лёшей активно общались.

После чтения началось самое интересное: общение с залом. Меня обвиняли в непристое, а я отбивался Достоевским и его Бесами. Лёшины стихи называли оскорбительными для Советской Армии, а я призывал слушателей отыскать в себе чувство юмора...

Вот ещё, что я писал об Алексее Шельвахе³:

Алексей Шельвах
"Мешок еды" для любителей поэзии

Для рассказа *Только рот...* я взял эпиграфом строчки из моего любимого стихотворения Алексея Шельваха. Причём любимого настолько, что я его также цитировал в своём романище: *Добровольные признания - вынужденная переписка.*⁴

Но прежде всего, это стихотворение я опубликовал в изданной мною в 1988 году книге стихов Алексея Шельваха Черновик отваги. В тот год обстановка в СССР была напряжённая, перестройка только расцветала, и потому публикация книги в США могла быть опасной для Алексея. Для защиты его от советского произвола на первой странице книги было напечатано:

Издание осуществлено Михаилом Армалинским и публикуется без ведома автора, 1948 года рождения, проживающего в Ленинграде, работающего токарем и имеющего жену, двоих детей и отдельную квартиру.

В действительности, книга была издана не только с ведома Алексея, но при его активном участии. Наш общий друг А. В.⁵, приехавший ко мне в Миннеаполис в гости, привёз, по моей просьбе, рукопись Алёшиной книги. Название у неё было: *Стихотворения*. Я как издатель не мог смириться с таким безликим названием и решил предложить Алексею другое. Однако сам

³ см. книгу Михаил Армалинский *Вызволнение суми* <http://www.mipco.com/win/VizSut.html>

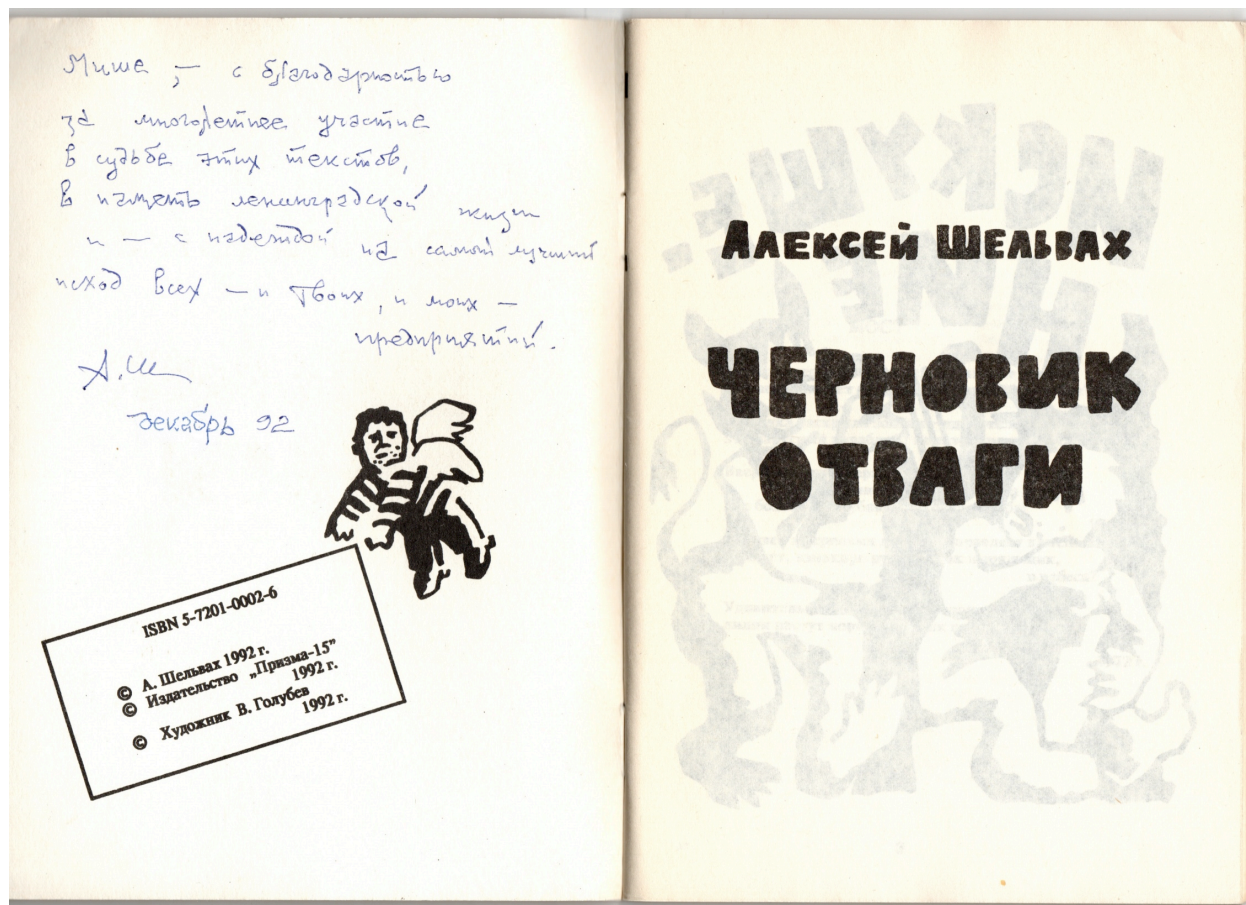
⁴ см. первое издание 1991 года <http://www.mipco.com/win/dobr.html>

⁵ Александр Вязьменский см. alexandermushrooms.com

что-то придумывать я считал неправильным и стал перечитывать рукопись с целью найти в самих стихах скрытое в них название книги. И нашёл. В стихотворении *Эклога* есть такая строчка: *Успел я только черновик отваги* - вот оно! *Черновик отваги* - осенило меня.

Я связался с Алёшей, и он одобрил это название.

В 1992 году эта книга была переиздана уже в С. Петербурге, к моему удивлению, с тем же названием и без всякой ссылки на моё издание.

К сожалению, некоторые стихи Алексей стал править и, в том числе, это стихотворение, так что в питерскую книгу попали изменённые тексты. Алексей любил и, быть может, продолжает любить возвращаться к своим старым стихотворениям и редактировать их, о чём я лично весьма сожалею, поскольку, с моей точки зрения, исправления сделали стихи юности более "правильными" и логичными, а это вредно для поэзии.

В книге *Черновик отваги*, изданной в С.Перербурге в 1992 году, стихотворение *Новелла* тоже претерпело изменения, а также Алексей добавил посвящение: *М. Армалинскому*.

Против такого редактирования у меня, конечно, возражений нет.

* * *

И у меня есть стихотворение, посвящённое Алёше⁶:

А. Ш.

Генетика сработала – и сын
на мать похож и на отца немножко.
Его кладут, как мясо, на весы
и моют, чтоб не заводились мошки.

Когда младенец с голоду зудел,
мать затыкала ротик соской-кляпом.
Кто б мог подумать, чтобы столько дел
наделала сорвавшаяся капля?

А то ли будет через двадцать лет,
когда дитя, в длину распространившись,
известкой цементируя скелет,
залезть захочет девушке в штанишки.

Тогда опять, как слово с языка,
сорвётся капля продолженья рода.
Так социальный выполнив заказ,
грядёт асоциальная природа.

Ну, а остальное - в названии этого вступления и в нижеследующих письмах.

⁶ В книге Михаил Армалинский *По направлению к себе*, 1980 <http://www.mipco.com/win/sebe.html>

ПЕРЕПИСКА⁷
1984-1992
(из архива М. Армалинского)

Алексей Шельвах - Михаилу Армалинскому

Здравствуй, Миша.

Прошло уже столько лет со времени расставания нашего, что, кажется, уже и обиды могут забыться или, по крайней мере, приобрести более ли менее обтекаемые формы, - посему я и собрался, наконец, с духом.

Живу я - как я живу? В огромной, о трёх комнатах, квартире с двумя балконами, паркетными дубовыми полами, окнами на запад и восток, на пятом этаже и в одной остановке от ЦПКиО. Спасибо советской власти! Живу я с тою же самой известной благодаря тебе - теперь - на весь мир женою, с теми же детьми и теми же сварами, ссорами, склоками и проч. Но сил уже гораздо меньше, чтобы всех их выдерживать. Однако еще теплоюсь, тлею еще.

Работаю токарем и, видно, уже не суждено мне иное, - будучи токарем, я имею возможность покупать какие-то книги, коть какие-то штаны и хоть какую-то еду. А с детьми и малозарабатывающею женою - не было бы и того. Вот оно как.

Литературные мои достижения со времени наших с тобою встреч - мало куда продвинулись. Я уже много лет нахожусь в каталептическом этаким состоянии, из коего вдруг пробуждаюсь, и напишу одно-два стихотворения и - снова туда же, в каталептическое это состояние, погружаюсь. Проза моя пишется так же. То есть не пишется почти.

Соснору не видел года полтора, а до этого встречи тоже были не частые. Тому причины, кажется, вот какие: ходить к нему с пустыми руками надоело, слушать его неутомимые гимны Сосноре - тоже надоело. А теперь ведь он оглох и - именно мой тембр голоса - не воспринимает даже через слуховой аппарат, приходится исписывать тетради, разговаривая...

О твоём творчестве я представление имею и отношусь к нему гораздо лучше, чем ранее. Странная со стихами твоими произошла история. Видно, и впрямь для некоторых поэтов - для понимания некоторых поэтов - необходимо еще и контекст их судьбы, фон: их передвижение во времени-пространстве. Рационализм, излом, некоторая, может быть, извращённость и формы, и мысли - резавшие мне слух здесь - теперь как-то понятны и самообъяснимы. Ну, и - в надлежащем, а не машинописном виде - они тем более выглядят внушительнее. Спасибо тебе за посвящения, за “Современник” и “сексологию”.

⁷ Михаил Армалинский эмигрировал из Ленинграда в США 17 ноября 1976 года

Не знаю, слышал ли ты что-нибудь о клубе “81”, - если нет и если доведется нам с тобою еще разговаривать - напишу. Ну, для первого раза - хватит.

Прости, если что не так, как говорится.
Всего наилучшего - в стихах и остальном.

До свидания А. Ш.
22.04.84 какая дата!

Здравствуй, Миша.

Прошло уже столько лет со времени расставания нашего, что, кажется, уже и обидет людей забыть нас, по крайней мере, приобрести более или менее объективные описания, - потому что и собрался, наконец, с духом.

Жизнь же - как же жила? Из огромной, о прех коих нет, квартиры с двумя балконами, изредка на дубовых полах, отсюда из запад и восток, на петлю, там же и в одной отливке от ЦПКиО. Спасибо советской власти! Жизнь же стала же само известной благодарю тебе - теперь - на весь мир тепло, с теми же детьми и теми же, сверлами, сорками, складками и проч. Но сил уже раздолье меньше, тогда всех их выдер- живать. Однако еще тепло, тепло еще.

Разбито теперь и, видно, уж не найдено мне шос, - будут теперь, же иль воз- можность попутать какие-то книги, хоть какие-то шпаны и хоть какую-то еду. А с детьми и мало заработавшего тепло - не было бы и того. Вот оно как.

Интересно мне мои достижения со временем наших с тобой встреч - мало куда продвинулись. Я уже много лет пишу в казенно-деловом стиле, ну кое-то вроде пробы еще, и пишу одно-два стихотворения и - снова туда же, в казенно-деловое это состояние, попутность. Проза моя пишется так же. Но есть не пишется, почти.

Соскору не видел года полтора, а до этого встречал тоже был не часто. Тоже привычки, кажется, вот как же: ходить к нему с пустыми руками надо, слушать его неумолимые шпаны Соскору - тоже надо. А теперь ведь от оных и - илетно мой шекар гложет - не воспринимает даже через звуковой аппарат, приходится исключать шекар, разбивая...

Общая информация и представляется много и относится к нему гораздо лучше, чем ранее. Страницы со стихами являются продолжением истории. Видно, и впрямь есть некоторые моменты для понимания некоторых моментов — необходимо еще и рассмотреть их судьбу, отсюда их передвижение во времени — трансформации. Различные моменты, некоторые, могут быть, выражены в форме, и тогда — резкие моменты здесь — теперь как-то понятны и самообъясняются. Ну, и — в дальнейшем, а не в знакомом виде — они как более, выходящие за пределы. Сначала речь за теория, за “современность” и “символизм”.

Не знаю, можно ли так что-нибудь о судьбе “81” — если нет и если доведется у нас (только еще раз убедиться — почему, ну, для первого раза — хватит).

Удачи, если что не так, как говорится.

Всего наилучшего — в стихах и
осознании.

До свидания А. Ш.

22.04.84

↓

какая жуть!

Алексей Шельвах - Михаилу Армалинскому

23.VI.85

Здравствуй, Миша.

Получил письмо твое от 27.V. - с вырезками из удивительного журнала. И впрямь - забавно.

Сначала о деле: бандероль получил только Горбунов, - ни я, ни Ханан - не получили. / Относительно Ханана - не перепутал ли ты, - ведь письмо и бандероль должны идти на адрес его с истинной фамилией его - Бабинский./

От Трифонова - через Сашу - книжку я получил.

От Дунаевской - тоже; также там и рецензия Д. Баевского.

За все тебе огромное спасибо.

Еще бы как-нибудь, может быть, постепенно - 4-5 штучек, - и, кажется, основной спрос среди интересующихся будет удовлетворен.

Теперь: дневники⁸ я пока что не читал, а вот “По обе стороны оргазма”⁹ - взял у Эрля эти стихотворения.

Что сказать о них, если тебе интересно.

Мне всегда нравилось в поэзии твоей бесстрашие, в этой книге оно тоже наличествует в полной мере, - но.

Вот это проклятое “но” - может быть, в провинции и впрямь мы живем. Ведь вот у поляков, которых я продолжаю, насколько это возможно, читать - изрядное количество в произведениях ихних общеславянских нецензурных слов, - и все же не в таком количестве. Т.е. у тебя-то их и немного - всего 2-3 одних и тех же, - и все же мне режет ухо. То есть, вот пример: стр. 97: первое четверостишие меня коробит - тем более, что, может быть, ну это мое мнение, можно было бы обойтись и без него, - а начиная: “теперь в тебе светло...” - очень хорошо.

А, кстати, рядом, на стр. 96 “пизда” может быть даже и очень на месте.

Короче, не перенасытил ли ты если не свой поэтический /на сегодняшний день/ словарь, ибо - именно эту книгу, - словами, которые ведь в общем-то стали знаками, абстрактными, обозначениями, - а в поэзии все же нужны конкретные, для каждого стихотворения новое значение одного и того же даже - слова.

Ибо есть смысл твоих поисков и бесстрашных экспедиций в пещеры эти - мне близок и - я думаю такое мировоззрение - имеет полное право на существование, - но вот иногда возникает ощущение, что это уже твоя исповедь, философия жизненная, - настолько насущная, что тебе уже не важно искусство ли это, и “кончается искусство и дышат почва и судьба”.

⁸ *Тайные записки 1836-1837 годов* А. С. Пушкина см. <http://www.mipco.com/SJAd.html>

⁹ Михаил Армалинский *По обе стороны оргазма. Стихотворения.* 1988 см. <http://www.mipco.com/win/obe.html>

Я всегда к этим строчкам Пастернака, очень красивым, относился с осторожностью. Вообще, риторика - дело опасное. И вот не риторичны ли иногда твои стихотворения?

Ну, не знаю. Если тебе интересно об этом беседовать - можем продолжить подробнее. Ну, ладно.

Пожалуй, на сегодня все.

Успехов и удач.

А. Ш.

23.VI.85

Здравствуй, Миша.

23.VI.85

Получил письмо Твое от 27.V. — и вырезала из удивительного мурлыка. И врать — забавно.

Сначала о деле: Бандерюк получил письмо Корбунов, — т.е., т.е. Ханза — не получил. / Относительно Ханза — не перепутал ли Ты, — ведь письмо и Бандерюк должен идти на адрес его а истинной адресаткой его — Бабинский. /

От Митрофанова — через Сашу — письмо я получил.

От Дунаевской — тоже; также там и рецензия Д. Барванова.

За все тебе огромное спасибо.

Еще бы как-нибудь, можно быть, пометить — 4-5 штук, — и, кажется, основной спрос среди интересующихся будет удовлетворен.

Теперь: главное я пока это не читаю, а вот “По обе стороны озера”, — у Дрия — это очень интересно.

Что сказать о них, если тебе интересно.

Мне всегда нравилось в поэзии Айвова бесстрашие, в этой книге оно тоже проявляется в полной мере, — но.

Вот это прощание “и” — можно быть, в прозе и врать — ведь в ней у полков, которых я прочел, несколько это возможно, сказать — изрядное количество в произведении ихних общеславянских нецензурных слов, — и все же не в высшей степени. М.е. у Тебя — это их и много — всего 2-3 одних и тех же, — и все же мне очень уж. Это есть, вот пример: стр. 97.

первое четверостишие — очень интересно — ведь было, что, можно быть, ну это еще лучше, можно быть и обидеть и без него — а начиная: “Теперь в тебе ивора, —” — очень хорошо.

А, кажется, рядом, на стр. 96, “пизда” может быть даже и очень на тебе.

Короче, не перепутал ли Ты если не свои поэтические / на следующие же / слова, — что — именно эту книгу, — слова, которые, ведь в общеславянском языке — абстрактно — или обозначают — а в поэзии все же нужна конкретное, для каждого стихотворения какое-нибудь одно и то же — даже — слово.

Что есть смысл Айвова пошлов и бесстрашию экспедиции в нестерпимой — еще близок и — и Дунаев — какое-то —

возрасте имеют право на существование, — но во-
 шода возникает ощущение, что это уже некое чужое, гримасо-
 дное существо, — несколько несущая, но тебе уже не важно,
 искусство ли это контактная интуиция и доверие к себе и судьбе. 4

Я была и жила в городе Платернске, очень красивом,
 относился с осторожностью. Вообще, искусство — дело
 опасное. И вот — на родине и шода. Ибо искусство? —
 Ну, не знаю. Если тебе интересно об этом исследовать —
 можно предвзвешивать поближе. Ну, эдак.

Помню, не сегодня все.

Успехов и удачи.

А. Ш.

23. VI. 89

Алексей Шельвах - Михаилу Армалинскому

Здравствуй, Миша.

Попытаюсь еще раз обогнать западные темпы производства: сделай, пожалуйста, ещё одно - клянусь! последнее одолжение:

в стихотворении “памяти Рафала Воячека”

надо вообще вычеркнуть, убрать строчку “ни биография, ни - просто - био”, -

т.е. текст должен читаться, печататься, вернее, вот как:¹⁰

...

Почему я выкидываю это строчку - она сама по себе ничего,

но - несколько туманна, вернее, неграмотна,

Нет такого слова “био” - это лишь корень...

Впрочем, может быть, я не прав.

Но размышлять, а уж тем паче переделывать у меня уже нет сил.

С приветом.

А. Ш.

Буду, что называется да и на самом деле весьма признателен.

2.X.88

¹⁰ Читайте в факсимиле письма или в книге *Черновик отваги*, что в приложении.

Делая Лёшину книгу я решил пренебречь большинством изменений и исправлений, а издать первоначальный вариант всех стихотворений, потому что именно в них я влюбился и именно они вызывали у меня желание издать их.

Если хочешь исправлять, то и делай новое издание, исправленное, дополненное, обезображенное - какое угодно. А память о юности надо хранить, а не стирать и уничтожать сомнительной зрелостью.

Тенденция преобладания усмирительных логических рассуждений, вместо изначального поэтического полёта против всех законов физики, наглядно проступает в аргументации Алексея, почему надо давить живой текст юности. - *М. А.*

Здравствуй, Миша.

Потому что еще раз обогнать западные темпы
производства: сюда, понадеяться, еще одна крышка?
последнее обдумайте;

в стихотворении "памяти Рафаэля Валиева"

надо вообще вытернуть, убрать

строку "ты биологичен, ты - цыган - бич, -"

т.е. текст должен читаться, почитаться, вернее,

вот как:

наше любимую бесконечность в сетях → сетях,
наше позорное бегство на своих кобылах,

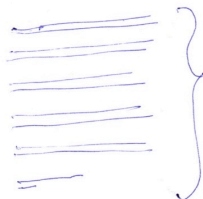
наше общество без прикрас — все в прикрас,
наше государство и — нискогда — перекрестков,

наше шито-человеческое — шилом меченый,
наших матерей с фуксидом уже убитыми;

давайте все как прежде, разве что вот это:

здесь строки по 2 строки, а последняя —

"только ты помнишь, Кроня, — — — — — отдельно / 1 строка /"
"подруга моя."

такой идеальнейший рисунок.

Почему я выкидываю эту статью,
она сама по себе ничего,

но - несколько туманно, вернее, неразнятно,
Нет такого слова "дно"
это лишь Корень...

Впрочем, может быть я не прав.

Но разговаривай, а уш тебе не переделывать
у меня уш не переделывать

С уважением,
А.Ш.

буду это извещать
да и на самом деле
всегдашние признательности.

2. X. 88

Алексей Шельвах - Михаилу Армалинскому

Здравствуй, Миша.

Спасибо за хлопоты и расходы, предпринятые тобою в отношении произведений моих. Ну, и, разумеется, самая большая благодарность - за интерес к произведениям-то этим - здесь они таковыми не избалованы были, по крайней мере до сего дня. Правда, вот в некоем РИЖСКОМ журнале “РОДНИК”, возникшем в 1987 году в связи с ПЕРЕСТРОЙКОЙ - и обретшем сразу всесоюзную известность благодаря публикации Набокова, Мандельштама и проч. - в журнале этом тиснули и меня, отвели мне целую страницу - 6 стихов. и довольно удачно отобрали.

Ну, есть еще мелкие радости, о которых рано пока что говорить.

Живу я по-прежнему, по-брежневу. Соснору¹¹ вижу 1-2 /раз-два/ в год и общаться с ним очень трудно, - все более из-за глухоты его, но не столько УШНОЙ, сколько ДУШЕВНОЙ.

Теперь вот еще что: Миша,

я очень поздно и совершенно случайно /по подсказке приятеля и к моему-то стыду великому!/ обнаружил, что в стихотворении на стр. 27, кажется / “О моя жизнь дурачок подставной...”/ в предпоследней строчке: “о мой второй и единственный Ты, -” разумеется те и конечно те.

“ты” должно быть с маленькой буквы!

Исправь, пожалуйста, во избежание теологических треволений предполагаемого читателя!..

Ещё раз спасибо.

Жду ответа. С приветом

А. Ш.

25.X.88

¹¹ см. книгу «Смерть. Ну и что?»

Переписка Виктора Сосноры и Михаила Армалинского. 1978 – 2019

<https://www.litres.ru/mihail-armalinskiy/smert-nu-i-cto-perepiska-viktora-sosnory-i-mi-67637010/>

Алексей Шельвах - Михаилу Армалинскому

Здравствуй, Миша.

Спасибо за хлопоты и расходы, предпринятые тобой в отношении произведения моих, т.е., и, разумеется, своего большого благодеяния — за интерес к производственному творчеству — здесь от твоего не избалованного опыта, по крайней мере, до этого дня. Правда, вот в номере РИЖСКОГО журнала “РОДНИК” возникнет в 1987 году — в связи с ПЕРЕСТРОЙКОЙ — и обретет сразу всеобщую известность благодаря публикации Каткова, Маджевицкого — и проч. — в журнале этой тиражи и тиражи, ответ тебе, целую страничку — в стихотв. и довольно удачно отобрать.

Ну, если еще можно работать, о которой ранее пока еще говорил. Живу я по-прежнему, по-прежнему. Составил книгу 1-2 /раз-два/ в год и обзавелся с ней очень трудно, все чаще из-за нехватки его, но не отобрать ЧУШНОЙ, скорее ДУШЕВНОЙ.

Теперь вот еще тебе: Миша,
я очень поздно и совершенно случайно /по подсказке приятеля и — к моему-но стыду востыла! / обнаружил, что в стихотворении на стр. 27, четвертый /“О моя жизнь дурачок подставной...” / в предыдущей строке: “о мой второй и единственный Ты, —”
разумеется не и конечно не.

“Ты” должно быть с маленькой буквы!
Кстати, пожалуйста, во избежание неоправданных превращений предложенного читателя!.

Еще по поводу.

жду ответа. С уважением

А. Ш.

25. X. 88

Михаил Армалинский - Алексею Шельваху

MICHAEL FELTSMAN
1646 HAMPSHIRE AVE. SOUTH
MINNEAPOLIS, MINNESOTA 55426
612-544-6077

29 ноября 1988

Здравствуй Алёша!

Получил твои письма от 2 и 25 октября. Большинство изменений я внёс, за исключением тех, что я посчитал уж слишком разумными для поэзии. Сегодня я отправил набор в типографию, и книга должна быть готова недели через две. Эрика так и не собралась сделать обложку, чем поначалу грозились. Вкладываю рекламную листовку о твоей книжке.

Эрика сказала мне, что причиной, по которой ты не писал мне, была твоя убежденность в том, что я не пожелаю ответить на твоё письмо многолетней давности. Заключение это ты сделал на основании факта неполучения моего ответа, с готовностью уверовав в то, что я мог пренебречь ответом на письмо друга (а именно другом я тебя почитал в то время). Тебе почему-то нежелалось вспомнить, в какой стране ты живёшь и как в ней относятся к почтовым отправлениям из-за рубежа. Ты предпочёл посчитать меня не большим, но предателем, чем усомниться в непогрешимости советской почтовой системы.

К твоему сведению, я послал тебе ответ немедленно, о чём я также сообщил в письмах Саше, которые до него дошли, и с содержанием которых, ты ознакомился.

Я не напрашивался на переписку с тобой и с достоинством пережил твоё нежелание поддерживать контакт со мной как с приятелем. Я бы не заговорил об этом, если бы не получил от тебя через Эрику твои стихи, которые ты даже не удосужился сопроводить хотя бы запиской. Это означало что ты не прочь возобновить контакт со мной, но только как с издателем. Подтверждение этому я получил в твоих деловых, эгоцентричных письмах, в которых ты даже из вежливости не проявил никакого интереса к моему скромному существованию как приятеля. В одном из писем ты иронически отзываешься о «не столько ушной, сколько душевной глухоте» нашего общего знакомого. Читая это пронизательное замечание я не смог не поделиться с тобой, что и тебя постигла подобная глухота, которая для тебя самого остаётся опасно незаметной.

Будь здоров и привет жене и детям.

Алексей Шельвах - Михаилу Армалинскому

Здравствуй, Миша.

Прежде всего позволь поблагодарить тебя, - большое спасибо и уж не знаю какие признательность и благодарность - по величине и объему, - за предпринятое тобою издание.

Книга мне вполне нравится, разве что расположение одиночных небольших стихотворений хотелось бы видеть иначе - посередине страницы, а не - вверху. Но - это уж, вероятно, обусловлено техническими возможностями или невозможностями.

Ещё раз - спасибо.

Что же касается твоего письма - я не понял, для чего оно написано! ты таким образом возобновляешь переписку или - окончательно еёрываешь? ведь не для того же, чтобы через океан теперь выяснять, кто кому сколько писем послал и из-за чего письма не дошли.

Переписка - дело обоюдное, и если уже тебе и впрямь захотелось бы пообщаться со мной - написал бы еще раз, - чего ж сразу в бутылку лезть. Ну, ладно. Я во всяком случае буду рад получить ответ.

Относительно упреков твоих в моей душевной глухоте и т.д. - ну, может быть, может быть, - и все же, мне кажется, не такой уж я ужасный эгопат и эгоист, как тебе кажется, - зря ты обижаешься.

У меня всё по-прежнему. Более - менее. У тебя как - я узнаю от Саши. Ну, пока что все.

С приветом А. Ш

Ш. 89

Еще раз спасибо

и еще раз - не обижайся и - извини, если что.

З. Заввабуи, Мшх.

Проще всего пожелать поблагодарить Мех — большое спасибо и уми не знаю какие прилагательные и благодарности — но величине и доблести, — уж предпринятое доброе дело.

Жизнь мне вполне нравится, разве только расстроило одинокая небольшая стихотворения, хотелось бы видеть много — посередине страниц, а не — сверху. Но — это уж, вероятно, обусловлено техническими возможностями или невозможностями.

Еще раз — спасибо.

Что не касаясь Мехов творчества — я не понял, где это оно читалось? Это были образцы литературных переводов или — оригиналы ее переводов? Ведь не для того же, чтобы через меня передать благодарность, кто кому сколько писал и из-за чего творить не давали.

Перепечатка — дело доброе и если уж тебе и друзьям хочется бы поблагодарить со мной — напиши об этом раз, — так и сразу в студию. Ну, видно. Я во всяком случае буду рад получить известия.

Стихотворения упрямых Мехов в моем душевное удовольствие и т.д. — ну, может быть, может быть, — и все же, мне кажется, не так уж ужасно много и столько, как себе кажется, — уж не обиделись.

У меня все нормально. Больше-мечее. У Меху как — а знаю от Саши. Ну, пока это все.

С уважением Л. Ш.

1. III. 89

Еще раз спасибо

и еще раз —

не обиделись и — идиши, если это.

Михаил Армалинский - Алексею Шельваху

17 июля 1989. Привет, Лёш!

Получил твоё письмо от 23 июня. Посылаю тебе копии писем, которые были вложены в не дошедшие до тебя бандероли. Одна от 10 марта с твоей книжкой, а вторая от 6 мая с тремя, что дошла до Эрля. Бабинского я не спутал и послал, как надо. Сейчас начну потрошить безгласную почту: сов власть за утеренные заказные отправления будет мне платить по 25 долларов или чудесным способом бандероли отыщутся. В связи с этим, у меня к тебе просьба: я послал книжки: Останину и Адашевскому тел. раб. 331-8144. А также я послал «Оргазм» заказным в «ОБВОДНЫЙ КАНАЛ» Бутырину К. М. ул. Гоголя д. 7 кв. 1, в «Митин Журнал» Волчку Дмитрию Борисовичу, пр. М. Тореза, д. 102, корп. 5, кв. 279, Иванову Борису наб. реки Карповки 25, кв. 6, и в «ТРЕТЬЮ МОДЕРНИЗАЦИЮ» Сержанту Александру, ул. Маскавас д. 258/6, кв. 60, 226063 Рига. Я надеюсь, что эти люди тебе известны. Кроме того, я послал письма 27 мая Эрлю и Ханану, сообщая каждому о посланной бандероли. Пожалуйста, узнай у них, получили ли хоть эти письма. Есть ли у тебя ещё смельчаки? Пожалуйста, пришли мне адрес «Родника», где твои стихи в прибалтике тиснули.

При любой возможности, я буду слать тебе твои книжки, но пока я с твоей помощью не выблюю украденные бандероли, почтой слать тебе не буду, а лишь с нарочными.

Кузьминский написал о твоей книжке рецензию, которая появится в новом альманахе «Черновик», если в нём окажется место, как мне сообщили редакторы. Я написал К., прося мне выслать копию, чтобы послать тебе, но он, пьянь, не отвечает. Рецензия Вадима Крейда, на тебя должна появиться в сентябре в «Новом Журнале».

Спасибо за комментарии к моим стихам. Они мне исключительно важны и интересны (жду их также и о «Записках»), так что если есть, что сказать, не деликатничай. Это относится и ко всем прочим читателям, кому мои вещи попадают на глаза. Казалось бы, я должен бы баллансировать на грани дозволенного-недозволенного и изысканным вкусом отмерять количество приемлемой «пизды». Однако патологически фальшиво-целомудренная ситуация в русской поэзии стала мне настолько омерзительна, что я хочу не глаголом жечь вымышленные сердца каких-то там людей, а просто ткнуть носом (остальным пусть сами тшятся тыкаться) в чудо пизды и затем участливо спросить: «Ну, какво?» Если ты чувствуешь, что на стр. 97 можно обойтись без первой строфы - прекрасно, не читай первую, читай остальное. Вернее так: первый раз прочти всё, а последующие читай без первой (а только подглядывая в неё). Ты пишешь, что «пизда», «хуй», «ебля» стали значками, абстрактными обозначениями. В полупьяном разговоре - да, согласен. В поэзии - вовсе нет, они конкретны, как никогда. Конечно, когда то, что я делаю, подхватится остальными и придется, нужно будет более конкретизировать, и за мной дело не станет, что я, кстати, уже делаю. Но цель моя - поэтически реабилитировать слова, которые обозначают самое прекрасное в земной жизни, но над которыми, с лёгкой руки христианства, устроили

судилище и побоище и засадили их в тюрьмы и лагеря цензуры. Точно так же как слово «еврей», обозначающее представителя избранного Богом народа, звучит в России, как оскорбление, брань, подобно милой (тайно или явно) всем (кроме гомосексуалистов) пизде, которая унижается, оскорбляется, хоть без неё, как и без евреев, жизнь теряет свой пьянящий вкус. Что касается меры употребления, то её буду устанавливать я, и поначалу она, естественно, будет коробить большинство. То, что считалось вчера непристойностью даже в Америке, не говоря уже о России, сегодня - в порядке вещей. И буду ли я оглядываться на подлость сегодняшнего вкуса, который только и норовит измениться, когда я вкусил Идею, неизменную во всю историю человечества, и изображение которой стоит вне вкуса, поскольку «вкус» это - орудие её притеснения. Посему мне особо интересно твоё мнение о «Записках», поскольку идея сия там намечается, и я её теперь продолжаю развивать.

Риторика опасна в поэзии, и я с этим согласен полностью. Может, она и проскальзывает кое-где из-за моей одержимости. Но не везде же. Вот даже ты на стр 96. остался удовлетворён «пиздой». А ведь это было немыслимо в русской поэзии за исключением гаденького прихихикивания или брани. Ведь никто не говорил о ней честно и с любовью. Ты, наверно, согласишься со мной, что я использую непечатные слова не для эпатажа и не как самоцель, а лишь потому, что они позволяют мне достичь глубин поэтических и половых отношений, о которых не то что писать, но и думать не принято. Если уж поднимать целину секса в поэзии, то и лексику следует использовать не на уровне «дикой розы» и прочих экивоков, что похуже скабрзностей.

Шлю тебе мою интерпретацию американского флага (в оригинале он в три раза больше и цветной), цель которой вызвать дополнительную волну патриотизма, олицетворённого такими священными объектами. Более того, я предлагаю использовать этот флаг как интернациональный флаг землян в случае полёта в другие галлактики. К моему, чрезвычайному удивлению, некоторые американцы воспринимают его как надругательство. На что я лишь дивлюсь в поэзии и прозе.

Как твой легендарный роман? Как стихи? Шли!

Я к концу года должен издать первый в истории альманах русской эротической литературы под недвусмысленным названием «Соитие». Там будет проза, поэзия, критика и прочее.

Тебе бы, Лёш, давно надо было бы бежать к нам, пока не поздно.

Тебе, с токарной профессией, мгновенно нашлась бы работа и получал бы ты со своей квалификацией запросто 15 долларов в час, а то и больше. Дети бы жили по-человечески, не говоря уже о тебе и Маше.

Привет им.

Твой

Алексей Шельвах - Михаилу Армалинскому

Здравствуй, Миша.

Спасибо тебе большое за книгу, - от Саши я знаю, что что-то напечатано в “Новом журнале”, - тоже благодарю.

Что это за журнал? не тот ли, который выходил еще, кажется, до войны? старый такой эмигрантский орган печатный?

Значит, относительно твоих предложений прислать сюда, в Санкт-Петербург твои эротические книжки - смелым людям. Люди таковые есть и с удовольствием предоставили свои адреса и жаждут присылки как твоих стихотворных книг, так и “дневников” великого поэта, а также и “Черновики отваги”.

Вот адреса ихние и фамилии:

Горбунов Владимир Иванович /он же - Владимир Эрль, тебе, надеюсь, небезызвестный/
Ленинград индекс 191023
ул. Держинского д. 34 кв 48

Бабинский Ханан Иосифович /он же Ханан, тоже тебе, наверное, памятный/
Ленинград 196240
ул. Костюшко д. 98 кв. 24
/он, кстати, осенью собирается в Штаты - не очень точно, но - собирается.../

Возможно, найдутся и еще люди.

Ну, а относительно течения жизни - ну, она течет и течет, - и радуется разве что печатанием здесь у нас наконец-то В. Набокова, С. Соколова, В. Аксенова и пр.

Знаешь ли такого, по-моему, очень интересного поэта - у вас проживающего - Алексея Цветкова.

Знаешь ли ты, читал ли, имеешь ли в своей библиотеке - какой-то, говорят, очень большой том Сосноры - у вас же вышедший, - что он из себя представляет и каково твое мнение.

Здесь пока Соснору все еще печатают мало.

Ну, ладно.

Да, кстати, чуть не забыл. Не отношу себя к смелым людям, но эротические книжки твои также с удовольствием получил бы. Две стихотворные: “По направлению к себе”¹² и “После прошлого”¹³ я уже имею.

Засим прощаюсь: Удачи и успехов на всех твоих поприщах.

А. Ш.

24. IV. 89

¹² см прим. 6

¹³ Михаил Армалинский *После прошлого*, 1982. см. <http://www.mipco.com/win/past.html>

Здравствуй, Миша,

Спасибо тебе большое за историю, — от Сашки я знаю, что
кто-то написало в “Новом журнале” — тоже благодарю.

Что это за журнал? не тот ли, который выходит еще, кажется,
до войны? старый такой американский орган поэтики?

Этот, отчасти Илья предложил прислать сюда,
в Стэнфорд. Невероятно твои оптимистичные списки — список людей.
Многие из них есть и я удовлетворен, представляю свои адреса
и надеюсь приехать как твоих стихотворных или, так и “дальних”
великих поэтов, а также и “Чернышев отцам”.

Вот адреса ихние и французские:

Сорбун Вадимир Иванович / он же — Владимир Эрль,
Ленинград индекс: 191023 / тебе, надеюсь,
уд. Дзержинского д. 34 кв. 48 / неизбежно встретит!

Бабинский Ханан Исидорович / он же Ханан, тоже тебе,
Ленинград 198240 / неизбежно, памятный!
уд. Костюшко д. 98 кв. 24

/ он, кстати, осенью собирается в Штаты — не очень
точно, но — собирается... /

Возможно, придут и еще люди.

Ну, а относительно поезидки жизни — ну, она идет и идет,
и радует рывка твои переставишь здесь у нас миллионные
В. Найдикова, С. Соколова, В. Аксентова и др.

Знаешь ли такого, по-моему, очень интересного поэта —
у вас проживающего — Алексея Цветкова.

Знаешь ли ты, читает ли, и если ли в своей библиотеке —

какой-то, вероятно, очень большой псалм Соснофа — у вас не
вышедший, — что он и себе предисказывает и какое слово емше.

Здесь пока Соснофу все еще негнбеного нато.

Ну, адто.

Да, кагати, чубь не забур. Не откошу себе к. счелает
модри, но фронтисеоее киники вбои каисне а удобраване
полицар да. Две стихотворное: “По исправлению к себе” и
“Поде прошлого” а уне. чело.

Звучит прошество: Тодги и успехов
на всех твоих поприщах,

197228
ул. Покрышева
2/40, 128

А.Ш
24.IV.89

Михаил Армалинский - Алексею Шельваху

MICHAEL PELTSMAN
1646 Hampshire Ave. South
Minneapolis, Minnesota 55426
612-544-6077

10 марта, 1989

Здравствуй, Леша!

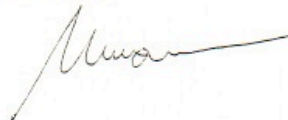
Получил твоё письмо от 1 марта. А также сообщение от Саши, что ты не возражаешь, чтобы я тебе отослал книжку, что я и делаю. Чтобы ты не думал, что я стал миллионером, распродавая твою книжку за 17 долларов штуку, спешу отчитаться - продал пока только два экземпляра - в библиотеку Оксфордского университета и в Библиотеку университета штата Айовы. Не воспринимай это как личное оскорбление - такова ситуация с русской поэзией на Западе. Да и с прозой не намного лучше. Трифонов тебе расскажет подробнее, через которого, я, кстати, передал тебе ещё один экземпляр. Вадим Крейд, местный литературовед, обещался, по моей просьбе, написать рецензию, но когда это случится, и, особо, когда она будет напечатана, не знаю. Звонил из Чикаго твой приятель Саша Гершкович, просил твою книжку, и я его ублажил.

Когда я был в прошлом году в Мюнхене, познакомился я с Юлией Вознесенской. Она проявила словесный интерес к твоим стихам и о тогда готовившейся книге, обещала написать рецензию или подрядить на неё Ю. Кублановского, но когда я послал ей подборку, а потом и саму книгу, она не откликнулась даже отрывкой. Преисключительно милая бывшая женщина.

При таком раскладе, тебе всяко лучше иметь книги у себя, чем мариновать их на Западе. Так что, если у тебя есть люди, что едут сюда, шли их ко мне, и я им вручу для передачи тебе экземпляры.

У меня к тебе просьба: меня интересуют адреса неформальных журналов, не мог ли бы ты раздобыть их. А так же, есть ли у тебя знакомые смелые люди, которые бы не возражали, чтобы я выслал на их адреса свои, скажем, эротические книжки?

Будь здоров,

Михаил Армалинский - Алексею Шельваху

5 Мая 1989

Здравствуй, Лёша!

Очень рад, что прорвалась твоя книжка к тебе. Проводим следующий эксперимент - посылаю твою книжку в объятиях с «Оргазмом и Пушкиным». Но мне не понятно, получил ли ты книжку от Трифа или ту, что я тебе послал почтой? Рецензия о твоей книжке написана и отослана в тот же «Новый Журнал», в №172-173 которого опубликованы два твоих стихотворения. Горорары там не платят. Надеюсь, что в следующем номере она будет опубликована. Рецензия добрая, но короткая. Журнал это действительно старенький, но бодрый и толстый. Больше книг твоих пока не продалось. Елене Дунаевской, что объявилась по телефону с приветом от тебя, я послал десять твоих книжек. Спасибо за смелых людей и свою готовность. Послал заказным Эрлю и Ханану по три книжки, включая твою. Ханану - личный привет помню его очень хорошо и по-тёплову. С Горбуновым говорил кратко раз в жизни, когда мне было 17 и я в ЛИТО у Давыдова читал своё, пронизанное Маяковским. Горбунов подошёл ко мне и сказал, что надо учиться у Хлебникова, а не у Маяка, который всё украл у Хлеба. Мне это тогда показалось святотатственным и я в смятении отстранился от него. Больше общения не было. Но привет ему всё равно.

Цветкова я весьма почитаю и часто перечитываю. Несколько лет назад я даже тиснул рецензию о его первой книжке «Сборник пьес жизни соло». У него вышло ещё две: «Состояние сна» и «Эдем». Перед моим отъездом ты мне показал самиздатский сборник московских поэтов, и он один выпирал своим талантом из обложки. Помню, мы даже говорили о нём, единственном.

Соснорино избранное у меня есть. Аж 320 страниц. Там с 12 сонетов 63 года до Верховного Часа 1979. Самые последние вещи для меня представляют интерес более клинический, чем поэтический, поскольку в них наблюдается синдром распада личности, столь характерный для белой горячки. Талант его меня раздражает своей одержимостью употребить минимум по две аллитерации (чаще всего бессмысленные) в каждой строке, и погрязанием в литературных и мифологических образах, которое воспринимается мною не как естественное, а как показное. Бесспорно, есть у него и сильные вещи, но поэт он мне чужой, асексуальный, холодный. Впрочем, и у Цветкова бабой в стихах и не пахнет, но он такой звонкий, чёткий и острый, что почему-то у него мне этого оказывается вполне достаточно.

Почитай в №2 «Вопросах литературы» скудоумие по поводу «Записок» - обхохочешься, прикладываю местную публикацию в ответ. Будь здоров и привет семье.

Михаил Армалинский - Алексею Шельваху

27 мая, 1989

Лёш, привет!

Шлю забаву из из весьма знаменитого своей остроумной бесцеремонностью еженедельника.

6 мая выслал заказной бандеролью тебе, Горбунову и Ханану по три книжки, среди которых твои. Дай мне, пожалуйста, знать, дошли ли. В твоей было вложено ещё и письмо.

Ты пишешь, что получил свою книжку, но какую: от Трифа или по почте, которую я послал тебе? Отпиши мне об этом, поскольку, если заказом зажали я здесь могу нажать и его выпустят либо к тебе, либо вернут мне.

Если у тебя есть знакомые, серьёзно работающие в эротике, сообщи им, что я намереваюсь издавать пришибленную часть русской литературы.

Будь здоров.

Михаил Армалинский - Алексею Шельваху

1 октября, 1989

Привет, Лёша!

Спасибо за деловую часть письма в ответ на мою деловую часть письма. Жаль, что тебе не нашлось, что ответить на «неофициальную» порцию моего письма, и ты вместо этого проинформировал меня о том, что у Вас печатают и что собираются печатать. Жаль также, что интересы твои будто бы вянут, и с писанием всяким тебе становится сложно, но, надеюсь, что ты прибуднешься.

Шлю тебе копию статьи о твоей книжке. Продалось ещё три через дистрибьютора, а в таких случаях, он не сообщает, кто покупатель. Получается, что изо всех адресов, куда я послал книжки, дошло только до Эрля. Я пока выбиваю деньги за утерянное (по международному почтовому закону после моей жалобы, вашей шушере даётся пять месяцев на розыск, а потом они выплачивают мне по 25-долларов за каждое утерянное отправление. Но часто они присылают бумагу с подделанной подписью адресата, что, мол, посылка доставлена, чтобы не платить, но и здесь на хитрую жопу - и хуй с винтом, так что я их так или иначе доканаю), и вывод делаю, что слать нужно через визитёров. Ханана запрягу, если объявится, а вообще, если кто едет туда-сюда, то отсылай ко мне, пожалуйста.

Кузьминский издал-таки свою книжку стихов под глубокомысленным заглавием: «Стансы к Лангусте или Томление о Тямпе». Там он беззастенчиво демонстрирует своё поэтическое убожество. Пытается он там лягать всех, чтобы отметить тьяканьем. Пытается лягнуть и меня в связи с Пушкиным. Но он как ракета - способен двигаться, только если выпускает газы (из зада) на других. Правда, написал он-хороший роман «Хотель Цум Тюркен» лет семь назад (это отель в Вене, где помещали только что приехавших советских эмигрантов), смешно и местами даже умно.

Читал ли ты «Гулаг»? Мне интересно, сравниваешь ты его с Пикулём после прочтения или для красного словца, чтобы похихикать, не читав. Хочется думать, что последнее. Поскольку, с моей точки зрения, эта книга есть Библия для России. Не то, что публикация «Гулага» спасёт Россию - её ничего не спасёт, а хоть не посмеет она на зеркало пенять, коль у неё рожа крива. Это уж помимо гениальной страстности книги. Да и жизнью своей я обязан ей, потому как, когда я прочёл первый том, будучи ещё в Ленинграде, то осенило меня, что жить в помойной яме, обнесённой колючей проволокой и кишасей дураками, подлецами и убийцами невозможно, тем более, когда в одном месте проволока оказалась надрезана, и появилась возможность бежать.

Видел упоминание о новой книге Сосноры «Возвращение к морю» или что-то в этом роде. Что это новые стихи или избранное? Читал ли Цветкева в «Огоньке»? Я Лихтенфельду послал пиьмецо для пробы, дойдёт ли. Привет жене и деткам.

Алексей Шельвах - Михаилу Армалинскому

Здравствуй, Миша.

Так долго не отвечал тебе, - все никак не мог собраться. Что-то у меня с писанием писем туго, - впрочем, с писанием вообще.

В общем, сначала о делах. Узнал я, что Останин ничего от тебя не получал, а Волчек - хотя тоже не получил, но, съездив в ФРГ, достал какие-то твои книги сам, - правда, еще с ними не ознакомился. Но собирается, по ознакомлению, как-то отреагировать.

Адрес “Родника” ты просил, вот он: 226081, Рига, Баласта Дамбис, 3.

Журнал сам по себе очень интересный, один из интереснейших, пожалуй, сейчас.

Даю тебе адрес еще одного смельчака, желающего иметь и твои, и мою - книги. Может быть, ты его знаешь, помнишь, - такой поэт /но на любителя, скажем так/ Боря Лихтенфельд, - это приятель Ханана, с недавних, сравнительно пор, и мой, хотя здоровались мы с ним года с 73...

В общем, вот его координаты: 197198 Ленинград а/я 368

Знакомых, работающих в эротике, у меня нет, - ну, вот, кажется, с деловой частью покончили.

У нас, как ты, конечно, слышал, - перестройка, - к происходящему можно относиться с разной степенью доверия и недоверия, но что есть, то есть: печатают-таки разных авторов, ранее не печатавшихся: Набоков /даже готовится 4-х томник/, Сашу Соколова; понемногу, но - и Синявского. А с Солженицыным уже начинается вовсе вакханалия, - в этом году обещают издать ГУЛАГ полностью, в следующем - 7 томов, а еще через год - еще 7 / “Красное колесо”/, - похоже, что это будет некая вариация Пиккуля, на другом же, конечно, уровне, но - все с тем же “интересом к истории”, о каковом принято говорить, рассуждая о советском читателе. Лично меня этот автор никогда особенно не интересовал, но - слава Богу, пускай печатают.

Но вот что касается действительно живых каких-то сведений в литературе - с ними не густо. Хотя - иногда печатают и их. В виде курьеза это подается, в виде исключения и под иными еще изобретательными предлогами.

Прочитывать все это, да (неразб.) то, что хочется перечитать из старого, да и самому еще чего-то тшиться - времени очень не хватает.

Кроме того, печатают - правда, медленными темпами - русскую философию /Бердяев, Розанов.../, а голова в 40-то лет уже не та! - короче, больше читаем, чем пишем. Мне уже давно писать труднее, чем читать, - но скоро и читать будет некогда и тяжело.

Книги достаются все также трудно и дорого, у спекулянтов. Выбор только стал шире: тут тебе и Фрейд, и Ходасевич, и опять же Набоков /“Лолита”!/.

Ну, и ТВ тоже иногда радуется, в основном ленинградское - есть такая передача “Пятое колесо”, - не слышал? - Кривулин, съездив во Францию, записал там беседы на видео с Синявским, Лимоновым, Хвостенко, - все это нам показали.

Общество “Память” ходит с плакатами, призывающими бойкотировать “Тель Авидение” - вот такие каламбуристы.

Но, вообще говоря, я бы не мог тебе нарисовать панораму всего происходящего даже в Ленинграде, поскольку сижу в основном дома, нет ни времени, ни сил, - да и желания, - ходить на митинги, выставки и пр.

Выбираюсь разве что, да и то со скрипом, в гости, - распить бутылочку.

Ну, вот, вроде и все пока что.

Ближе к зиме - Ханан собирается туда, к вам, - писал я об этом?

Ну, ладно. До свиданья.

А.Ш.

4.IX.89

Здравствуй, Миша.

Твои письма не отвечал тебе, — все никак не мог собраться. Кто-то у меня с писателем писал твое — ответил, с писателем вообще.

В бюджете, конечно о деньгах. Узнал я, что Остапенко письмо от тебя не получил, а Волчек — хотя письма не получил, но, видимо в ФРГ, деньги какие-то по твоим письмам — привез, еще с ними не ознакомился. Но собирается, по ознакомлению, письмо отреагировать.

Адрес «Родника» ты просил, вот он: 226081, Рига, Балвста Дамбис, 3.
Журнал сам по себе очень интересный, один из интереснейших, пожалуй, сейчас.

Даю тебе адрес еще одного связного, желающего иметь и твои, и мои — письма. Может быть, ты его знаешь, помнишь — таской поэт / но не любитель, какими так / Борис Александров, — это приятель Халенко, с недавних, работником, поэт, и мой, хотя здоровался лет с тобой года с 73...

В бюджете, вот его координаты: 197138 Ленинград
а/я 368

Знаю, как работница в аптеке, у меня нет — ну, вот, конечно, с деловым характером.

У нас, как ты, конечно, писали, — перестройка, — к трансформации можно относить с разной степенью уверенности и недоверия, но тут есть что есть: последние стали разных авторов, ранее не писавших: Набоков / дана готовит 4-х писателей / Саша Соколов: помню, но — и Сенявского. А с Соколовым уже, конечно, была Валханова, — в этом году, конечно, издать 2492 полностью, в следующем — 7 тысяч, а еще через год — еще 7 / „Крестов косяк“ / — правда, что эта будет некая важная Тиньков, но друзей же, конечно, убогие, но — все с теми же „интерес и история“, о которых ты раньше говорил, рассуждая о советском типичном. Именно меня этот автор писала, видимо не интересовал, но — сама была, ты же помнишь.

Но вот что касается действительно твоих интересных людей, в литературе — с ними не будет Халенко — иногда писатель и их. В виде курьеза это подается, в виде интереса — и под иными еще изобретательными предлогами.

Противоположно все это, да ты бы, кто-то хочется пережить из опыта, да и самому еще, конечно, интересно — времени много на хвосты.

Кроме того, конечно — правда, нежелательны письма — функция дружба / Бердяев, Розанов и / — а сейчас в 40. На лет уже не так? — конечно, больше интерес, чем писем. Мне уже давно писали журналы, тем письма, — по опыту и письмам будет некая и темела.

Книжки достаются все также, дешево и дорого, у спекулянтов. Выбор далеко не так широк: тут тебе и Фрейд, и Хюбнер, и опять же Набоков / Ахматова? /

Ну, и TV тоже иногда передает, в основном ленинградское — есть такая передача „Тысяча вопросов“ — не слышал? — Кривичин, авторство Фришмана, записал там беседу с Сенявским, Милославским, Хвостенко — все это нам покажи.

Общество „Почтовый“ ходит с писателями, приглашая их в библиотеку в „Тель Авигетте“ — вот какие кандидатуры.

Ну, вообще говоря, я и не мог тебе изложить по-настоящему всего, что...

дядюго даме в Ленинграде, посылку елку в основном, дрова, нет ни бревен, ни
 стл, — да и печатки, ходить на митинги, выставки и пр.
 Выбиралось разве это, да и это со временем, в посты, — растить дубовую.

Ну, вот, вроде и все пока это!

Брак и змея — Ханы сообразилась куда, и вам, —
 писем я об этом?

Ну, легко. До свиданья.

Л. Ш.

4. IX. 85

Алексей Шельвах - Михаилу Армалинскому

19.XI. 89

Здравствуй, Миша.

Спасибо за рецензию - и тебе, за то, что прислал, и В. Крейду,¹⁴ - за внимание. Кто он такой? Я читал сборник Г. Иванова с его предисловием и комментариями - больше ничего ни у кого узнать не удалось. Мне кажется, он понял скромные мои необщие выраженья, - есть, конечно, у меня и некоторые несогласия с ним, но - со стороны, разумеется, виднее, - тем ценнее, что со стороны беспристрастной.

О “Записках”, к сожалению, пока ничего сказать не могу - постеснялся у Эрля попросить, сразу и надолго, подержал день-два - надо было отдать, - и все пока что книга не освободилась. Когда прочту - выскажусь непременно.

Все же мне видится в концепции твоей одна - как бы даже и изначальная - ошибка. Впрочем, надо бы проверить, но у меня нет ни времени, ни возможности. Вот в чем, кажется, ошибка: ведь слова “хуй”, “пизда” и пр. - все слова именно бранные, то есть Идею свою ты изначально дискредитируешь средствами выражения. Если нет в русском литературном языке иных слов - для обозначения, - стоит их выдумать. Бранные слова и есть бранные слова, и если не были ими ранее, то стали - был, значит, в этом какой-то тоже смысл, нужно было изобрести бранные слова - вот и изобрелись.

Понимаешь, о чем? Если ты слово “пизда” лишишь того значения, какое она имеет вот уж лет триста в поэзии российской, - каким же словом браниться-то будем по отношению к противоположному полу? Ну, это шутки. Но вот, Набоков где-то в “Лолите”: “скипетр моей мужественности” - сказал же так, а не: “хуй” или “член” или даже “болт”.

Искусство есть искусство и одно и то же слово для обозначения одного и того же предмета употреблять дважды - уже не стоит. В исповеди, в проповеди, в декларации - ради Бога. И потом - хочется вот за что вступиться: Ты /наверное, сгоряча/ написал эвона как: - “... патологически фальшиво-целомудренная ситуация в русской поэзии...”, - то есть или ты забыл, что рос и воспитывался в советской поэзии, а не в русской, - в советской поэзии за редкими исключ. - что да, то да.

Ну, а чем же не угодила тебе русская? и почему это фальшиво-целомудренная? хочется вступиться и за Державина, и за Боратынского, и за Тютчева, - может быть, особенности их поэзии не в фальшивой целомудренности, - может, это и есть некое свойство, русской литературе присущее - целомудренность, - в сравнении, разумеется, с западными... но

¹⁴ Вадим Крейд, литератор, профессор кафедры русского языка и литературы в университете Айовы, США

ведь все относительно, и английская поэзия тоже целомудреннее французской, - правда, я не очень хорошо знаю, что сейчас там делается в обеих.

Ну, и чтобы покончить с теоретической частью - относительно Солженицына.

Действительно для красного словца соединил я его имя с Пикулем, - имея в виду уже популярность его на книжном рынке /раз/, потребность нашего общества в исторических сочинениях /два/, мнимость потребности этой /три/ и преувеличенное значение, каковое по извинительной неграмотности нашей, придаем мы любому документальному повествованию: сначала о XVIII веке /Пикуль/, теперь о более близких временах... только-только учимся, пытаемся учиться - жить, т.е. делать то, что может стать предметом исторических романов впоследствии - уже готовы препоручить Солженицыну за нас разобраться во всем и предопределить дальнейшее.

Все сказанное - отнюдь не против. Просто раздражает вакханалия.

И к “ГУЛАГ”у - не относится, - насколько я его помню, - а читал его лет десять назад. Ну, и вот теперь - перечитываю. Но ведь “ГУЛАГ” - это тут ты прав - Библия для России, т. е., - не беллетристика, иногда весьма средняя, - каковой мне показались и “В круге первом”, и “Один день” и что-то еще. И даже “Ленин в Цюрихе”, - читать было, уж разумеется, захватывающе -, еще бы, - Ленин, - но потрясения от “художественности” не было.

Ну, вот так. Надеюсь, никого не обидел. Старался во всяком случае. Живу по-прежнему. Тьфу-тьфу чтобы не сглазить - принялся за прозу сызнова - полгода не писал. Лихтенфельд письмо твое получил. Ханан - собирается, но - в связи с авиа-билетами,- слышал, наверное, как обстоит дело с поездками в США, - так вот он уже не уверен - улетит ли. Цветкова в “Огоньке” я читал, читал его и в “Знамени”, - очевидно, его будут здесь еще печатать. Да, он интересный поэт, но надо бы почитать побольше.

Что касается Сосноры, - то книга эта /“Возвращение к морю”/ составлена из старых стихов - с четверть книги - и стихов начала 80-х, - книга страшная. Но о поэзии мэтра - у меня уже не хватает сил на это письмо.

Ну ладно, Еще раз спасибо.

До свидания А. Ш.

P.S.

Читал в “Смене”

твой стихотворенья - поздравляю!

Здравствуй, Шина.

19.XI.89

Спасибо за рецензию — и Меде, за то, что читал, и В.Куреду — за отзывы. Кто он такой? а может быть Э.Иванова с его проливными и каменитерными — давшие много и у кого чувств не даются. Мне кажется, он попал врасплох мои маб-ице в Вирамачья, — есть, кажется у меня с некоторыми, несомненно с теми, но со стороны, радужнейшей, виднее, — там целые, это со стороны беспристрастности.

О “Золотых” к читателям, пока никак издать не могу — попростому у друзей почитать сразу и надолго, подержал день-два — надо было оторвать, — и все никак это книга не оторвалась. Книга простая — Вирамачья широкими.

Все же мне нравится в концепции Шоста — как бы даже и изобретать — ошибся, Вино-вен, надо бы пробовать, да у меня нет ни времени, ни возможности. Вот в сем, кажется, ошибся: ведь слово, кун, пизда и пр. — все слова шепотом **дранные**, то есть Удво свои Мог изобретать дискре-дитировать средствами выражения. Если нет в реальном универсальном языке, и если слово — для одушевлен-ной, — значит их выдумать. Бранишь, слова и есть бранишь слова, и если не дали или рече, но отдам — для друзей, в том случае, то же самое, просто слово изобрести бранишь слова — и вот изобрести.

Почему-то, о чем? Если нет слова, пизда, слышать тебе, пизда, какое она слово, вот уж это оторвать в поэзии России — как бы не слово бранишь — то будет по отношению к прити-вополнонию пизда? Ну, это пизда, но вот Налекаб, где-то в “домашней”, — кажется, слово “матерщинное” — слышишь же, а не: “у” или “х” или “ш” или “ж”, “д” или “л”.

Чуждым слово и слово и оно и не слово, для одушевления, чуждо и кто же предельно угнетает/объясняет — уже не слово, в смысле, в принципе, в генерации — ради Бож.

И вот — хочется вот же что выдумывать: Мог / изверное, скрывает / извещал / обрел как: — “... попростому фантасма — целому, выдумывая, шепотом в русском поэзии...” — то есть уж Мог забывает, что рос и воспитывался в советской поэзии, а не в русской, — в советской поэзии же редкими словами. — это да, но да, да, а что же не увидели себе русский? и почему это фантасма — целому, выдумывая? Хотите выдумывать и да Дергачева, и да Бороздинского, и да Шоста, — может быть, особенно уж поэзия не в фантасма — целому, выдумывая — может, это и есть некое свойство, русской литературы при-сутствие — целому, выдумывая — в сравнении, различается, с грядущим... но ведь все относительно, и потому сама поэзия тоже целому, выдумывая, — правда, я не очень хорошо знаю, что собой так делается в общем.

Ну, и чтобы покоялись с творческими чувствами — откровенно Сидоренко. Фантасма — целому, выдумывая, для красного слова, создавая, а его имя с Тимуром, — может в виду уже поупор-носта его на истинный талант / раз, / попростому и шепотом обществу в исторических системах / в/з/в/, — шепотом попростому, то же / ш/п/ и предельное значение, какое по изданным/автоматизированным / шепотом, придан мой шепотом доверительному повествованию; так же о XVIII веке / Пискунов /, шепотом о более ранних временах... так же шепотом, шепотом, шепотом — шепотом, т.е. слышать по-то, то шепотом слышать предельно исторических фантасма / шепотом — а уже шепотом предельно Сидоренко же не раз / шепотом, во всем и предельно слышать дальше.

Все сказанное — отнюдь не притворно. Пискунов разрабатывает / шепотом. И К “Золотых” — не отнюдь — насколько я его помню, — а шепотом его шепотом / шепотом. Ну, и вот шепотом — шепотом. Но вот “Золотых” — это шепотом Мог прав — Бирин, для России, шепотом, — не беллетристика, шепотом все же шепотом, — какой же шепотом и “В кругу первом”, и “Огонь дым” и что-то еще. И даже “Дети в Уфиме”, — шепотом было уж разумеется, / шепотом / шепотом — еще бы — Шина, — но шепотом, он “шепотом шепотом” не было.

Ну, вот так — шепотом, шепотом не будет. Сидоренко во всяком случае. Шину попростому. Шину попростому шепотом не слышать — слышать же шепотом шепотом — шепотом не слышать. Шепотом шепотом слышать Шину попростому. Шина — слышать, но — в шепотом с шепотом — шепотом, и шепотом, как шепотом слышать с шепотом в США, — так вот он уже не уверен — слышать шепотом.

Цветаев в “Огоньке” я читал, читал его и в “Знает” - очевидно, его будут здесь еще
показывать. Да, он интересный поэт, но надо бы почитать побольше.

Что касается Соснора - то книга эта / “Поэзия и жизнь” / составлена из
собранных стихов - с четвертой книги - и стихов начала 80-х, - книга хорошая. Но о поэзии
матра - у меня уже не хватает сил и времени.

Ну вот. Еще раз спасибо.

До свидания X.M.

P.S. Читал в “Солнц”
твоя стихотворения - порадовал!

Михаил Армалинский - Алексею Шельваху

8 декабря, 89.

Привет, Лёш и с Новым кодом «1990».

Очень обрадовался твоему письму, что от 19 ноября. Слышал от Саши, что ты был на обследовании в больнице. Ну, жив-здоров, что ли? Может, какие лекарства нужны, так дай знать. Теперь ответ о Крейде. Ему где-то около 50, профессор русской литературы Айовского университета. Литературовед-историк «серебряного века». Специалист по Гумилёву, Георгию Иванову и пр. Поэт также, две книжки издал. Очень приятный, порядочный, человек. Я с ним переписываюсь уже года два, но никогда не виделись. Ваша шушера крадёт много из его исследований и без всяких на него ссылок. Крейд друг Гаврильчика, так что можешь через него узнать подробности.

Теперь по поводу моей «изначальной ошибки», хоть я и поговорил об этом в моём письме от 17 июля, но ты явно не обратил внимание на суть, так что повторю с другого конца. Ты справедливо пишешь, что слова «хуй», «пизда» - бранные, и, вследствие этого, всякая попытка за них браться якобы обречена на провал. Более того, ты предлагаешь выдумывать новые слова для их обозначения, ставя в пример Набокова с его «скипетром». Далее ты говоришь, что был некий смысл в том, что эти слова стали бранные, надо было - и вот бранные слова изобрелись. Что ж, давай поговорим про это. Любые слова «изобретались» поначалу для обозначения объекта или действия и лишь потом принимали эмоциональную окраску в зависимости от того, каково было ощущение от объекта или действия. Естественно, что эмоциональная окраска менялась вместе с изменяющимися ощущениями. Очевидно, что слова «хуй» и «пизда» образовались не из желания похулиганить, а из желания обозначить органы тела и их взаимодействие, которые, между прочим, дают человеку величайшее наслаждение. Я думаю, что не будет большой натяжки, если предположить, что изначальная эмоциональная окраска этих слов была весьма восторженной. В языческие времена люди относились к сексуальной жизни естественно, то есть радостно. Потом явилось христианство, и с собой оно принесло идею «порочности» половой жизни, «греховности» плоти. Образцом поведения стало считаться подавление сексуальных желаний. Вследствие этого, половые органы стали изгоями и само их упоминание стало звучать оскорбительно. (В языческих культурах, кстати, и по сей день отношение к сексу, как к таинственному празднику, а не как неизбежному греху.) Посему «хуй» и «пизда» звучат как брань лишь потому, что христианство исковеркало отношение человека к самому себе.

Не поленись почитать мою статью «Религия как богохульство», которая есть у Саши, и где я подробнее говорю об этом.

4

В России, которую, всегда топталало правительство, народ в большей мере становился рабом, и двумя формами пассивного протеста были пьянство и ругань. Ругань и брань основаны на словесном преступлении закона, внедряемого ненавистным государством. Главный закон христианского государства - всячески ограничить и оханть половую жизнь. Потому упоминание половых органов и совокупления считается оскорблением. Коммунистическая же мораль - сегодняшняя мораль России - это близнец христианской морали. И та и та основана на подавлении личности: одна - во имя Христа, а другая - во имя коммунистического общества.

Так что и слово «еврей» в России по сей день звучит как брань, поскольку еврей есть преступление как против христианства (не верит в божественность Христа), так и против коммунизма в том смысле, что еврей - индивидуалист, космополит - то бишь против общества. Так и слово «Бог» до недавнего времени звучало бранно, поскольку «бога нет». Итого, следуя твоему совету, слово «еврей» надо заменить на эвфемизм «лицо еврейской национальности» или что-нибудь помягше. Али, может, отказаться от слова «совет» из-за того что его обгадило слово «советский»? Нет, моя задача - вернуть словам первоначальный смысл, то есть реабилитировать, продолжая вклять по-советски. 13 лет назад меня тоже восхищал Набоков своей изысканной хуйней. Теперь он меня лишь раздражает. Всё это этапы, и этап «плетения словес» я прошёл. Теперь мне особо близок Генри Миллер, который не только высказался, но и сказался на всей литературе. Когда-то подобное дойдёт и до России, надеюсь с моей помощью. Может быть, мне одному с этим и не справиться, но задача у меня не вызывает сомнений. Если сегодня для многих «пизда» и «хуй» звучит как брань, то завтра они будут снова звучать как гимн Богу - так ведь к ним относились в обществах с фаллическим культом.

А что до твоих опасений по поводу неприкосновенности бранных слов, то надо оскорблять бабу не «я тебя в рот ебал», а «я тебя в рот **не** ебал».

Пока же я осторожно назвал сборник не «Ебля», а «Соитие». Тоже ведь, не лишён противоречий, бя.

Защищать же от меня Баратынского, Тютчева да Державина дело пустое - я их поэзией вскормлен и на них не ополчаюсь. Просто они жертвы подавления русской цензурой, как и все прочие. И говоря о «фальшивой патологической ситуации в русской поэзии», я имею в виду не поэтов, а условия, в которых их содержали.

Ты пишешь о некоем свойстве русской литературы, ей якобы присущем - целомудренности. Обрыдли мне эти советские клише превосходства. Целомудренность литературе не присуща, а насаждаема государством и его псами - цензорами. Эротика всегда жестоко подавлялась в русской

3

литературе (часть сказок Афанасьева должны были печататься в Германии, а история с Полежаевым тоже хороша, не говоря уже о «Гаврилиаде»). Как тут не стать целомудренным, когда тебя кастрировали. Вся эта легенда о целомудренности русской литературы подобна рассказам о таинственном русском характере, вся тайна которого состоит в классических симптомах алкоголизма. Лозунг: «русская литература - самая целомудренная в мире» подобен лозунгу «Россия - родина слонов». Хоть я и не шибко знаком с американской литературой, но даже на основании того, что я опробывал, самолюбование России своей литературой представляется подобным недавнему самолюбованию Советской «мощью». Да, было несколько великих писателей. Но и литература любой грамотной страны имеет не менее великих писателей. Сравнивая литературу американскую с русской видишь, что Америка настолько разнообразнее в талантах, в кругозоре, в подходах к вечным вопросам, что её можно сравнить с радугой, тогда как Россию с обильным только красным цветом. Конечно, это гипербола, но она отражает суть. Так что Российское самодовольство находит своё омерзительное проявление и в дутых самооценках собственной литературы.

Послал я тебе и Лихтенфельду «Соитие» обыкновенными бандеролями. Может, затеряется в предновогоднем обилии почты и проскочит. Мне известен один мой стих в «Смене» от 21 октября, а ты пишешь стихи - значит ли это, что ещё было? Коль да, то сообщи, пожалуйста, номер - любопытно ведь.

Шли прозу с едущими - сколько тебя можно упрашивать? Зачем томить? Как твои публикационные дела при гласности-то? Что за реакция народа на «Черновик Отваги»? Что в новой поэзии? И вообще, привет жене и детям.

Твой

Алексей Шельвах - Михаилу Армалинскому

Здравствуй, Миша.

Прежде всего хочу поблагодарить за присланную рецензию -, кто же это такой этот самый Lee B. Croft?¹⁵

Во-вторых, извиняюсь за продолжительное молчание, одной из причин коего была медлительность моя в п наконец-то чтении “Тайных” твоих записок.

И вот теперь я их прочитал и попытаюсь что-нибудь о них высказать. В общем-то я в полной растерянности, в невероятном недоумении. Книга для меня в высшей степени неожиданная. Не могу сказать, что чуждая, над какими-то вещами я даже задумывался да и, наверное, каждый. Но - все же - почему и зачем избран Пушкин? а не - условный, вымышленный поэт? и почему вообще избран поэт, если так мало в записках этих - о поэзии, о творчестве? Я довольно слабо, по Вересаеву и Лотману, знаком с пушкинистикой /пушкинианой/, поэтому к стыду моему, разумеется, не могу судить о достоверности записок этих, но даже если и все в них - достоверно, т.е. факты, - все же я не уловил смысл, - зачем они от имени Пушкина излагаешь ты свою, так сказать, философию жизни. О философии же этой мне судить еще труднее. Собственно, в общем и целом я с ней согласен, если, конечно, правильно ее понимаю /мне кажется, что на стр. 55,59 и особенно в конце - 96-99 она как бы изложена полнее всего/, т.е. это страх смерти - но - это, конечно, очень примитивно и тем не менее: твой Пушкин /Пушкин все же! да густо и не Пушкин, а просто персонаж - Поэт/ - ведь в творчестве выражается и происходит эта же борьба с смертью и в жизни человеческой, в тайных ее размышлениях занимает не меньшее место и проявляется не слабее, чем сексуальные проблемы. Ну, я так коряво пишу, но смысл-то ясен?

Твой Пушкин несколько маниакален, по-моему, - что еще и не страшно было бы, если бы ты убедил бы меня, что он все же Пушкин, то есть Поэт, - не могу я поверить в Пушкина, столь поглощённого сексуальной своей потребностью - когда же находит он время заниматься историей хотя бы? И вообще написать свое собрание сочинений.

Ни а насчет исполнения - все те же у меня претензии. Не знаю, как иным читателям, мне режет ухо употребление “низких” слов, я уже не могу воспринимать текст обыкновенно, мне либо неприятно, либо смешно - и самых порой не рассчитанных на улыбку местах. Какой-то диссонанс - непредумышленный? Или - заодно и эту цель ты преследовал? Ну вот такие мое чистосердечные беспомощные соображения.

Живу я по-прежнему. В ожидании перемен, кажется, к худшему, о чём ты, должно быть, наслышан, - я имею в виду события политической нашей внутренней жизни.

¹⁵ Профессор русской литературы Университета штата Аризона см. <https://search.asu.edu/profile/43744>

Я открыл для себя еще двух поэтов, о которых имел ранее смутное представление: Лев Лосев и Михаил Еремин /Еремина прочитал книгу, вышедшую в изд-ве “Эрмитаж”, далеко-далеко не все понял, но что понял - очень интересно.../

За бешеные деньги купил подписку на 4 тома Набокова. Вообще денег ни на что из книг не хватает, потому что купить можно только у спекулянтов. И это при всем при том, что я никогда не стремился к большой библиотеке и постоянно ее разгружаю.

Ну, это так, отступление.

“Соитие” ни до кого здесь не дошло. Из мне знакомых людей, по крайней мере.

Слышал ли ты о вакханалии, устроенной здесь по поводу “Прогулок с Пушкиным?”

Смотри, и до тебя доберутся.

Ну ладно, привет.

Всего наилучшего.

А. Ш.

26.Ш. 90

Здравствуй, Миша.

26 марта 90

Простоде всего хочу поблагодарить за пришедшую рецензию —, кто же это такой такой такой Лее. В. Софт?

Во-вторых, удивляет где продолжилось мое почтение, одной из причин моего божьего медлительности мог в принципе, так чтении „Тоннах“ Твоих замесок.

И вот теперь я их прочитал и потрясан так-тогда а так выкарабкал. В общел-но я в полной растерянности, в невероятном недоумении.

Книга для меня в полной степени неожиданная. Не могу сказать, что — чудеса, над какими-то вещами я даже задумывался да и, наверно, как-то да. Но — все же — почему и зачем, избран Тувинки? а не — условно, во-молчаливой поэзии? и почему вообще, избран поэти, если так мало в замесках этих — а поэзия, а творчество? я довольно часто, но Версаеву и Лоттэну, ухаживаю с тувинками / тувинками?, поэтому, к отходу поэзии, разумеется, не могу судить о достоверности замесок этих, но даже, если и все в них — действительно, т.е. факты, — все же я не уловил смысла, — зачем от меня Тувинки изданы эти слова, так сказать, оригинального тун-ин.

О филологиче же этой мне судить еще труднее. События, в общем и целом я с ней согласен, если, конечно, правильно ее понимаю / мне кажется, что на стр. 55, 59 и особенно в конце — 96-99 она как бы изложена полнее всего, т.е. эта часть смерти и попытки, бескомпромисса / обрывается на неудачу / смерть предостало — но — эта, конечно, очень примитивно и если не нече: Твои Тувинки / Тувинки все же? да пусть и не Тувинки, а просто персонаж — Поэт / — Верса в извращенной, выразительной и произвольной — мне обрывает со смертью и в жизни геноцида, в эти годы ее разномысли-тиях замесок — не меньше места и проявляемая на себе, тем сенсационные подробности. Ну, я так испрало туну, но зачем это все? Твои Тувинки несколько замесков, по-моему, — что еще и не трудно, но было бы, если бы ты убедил бы меня, что он все же Тувинки, но есть Поэт, — не могу я поверить в Тувинки, чтобы позволить того сенсационной своей погрешности — когда же найдешь он время замесков и истории хотя бы? И вообще, написать свое собственное сочинение.

Ну а может быть и нет — все же у меня претензии. Не знаю, как этот читатель, мне решит уже удовлетворить „тувинки“ слов, я уже не могу воспринимать текст объективно, мне либо неприятно, либо смешно — и в самом конце не рассматривая на уловку нестих.

Какой-то диссонанс — непредумышленной? Или — задко и эту часть
 от преследовал?

Ну вот именно мои истинносердечные бесполучные соображения.

Жизнь я по-прежнему. В отпадении перелом, кажется, и худшему, о чем Тот,
 должно быть, насловил, — я илю в виду события в политическом плане
 внутренней жизни.

Открыто уже себя еще двух поэтов, о которых илест ранее упомянутое пред-
 ставление: Лев Лосев и Михаил Эренин / Эренина просят илму,
 вышедшую в изд. ве "Фрейдизм", далеко-далеко не все пошел, но эта
 книга — очень интересно... /

За бременное время купил подписку на 4 тома Хабарова. Воду же
 денег и на это и книги не хватает, потому что купил много журналов
 у спекулянтов. И это при всем том, что я никогда не интересуюсь к
 обрившим стихотворения и хотя бы то ее ризурман.

Ну, это так, отступенье.

"Сонет" и до того здесь не гуляло. Из мне знакомых людей, но кресте
 пере.

Считай и То, о вихорном, устройстве? Здесь по поводу
 "Прозаик с Пушкиным?" Сонети, и до тебе доберутся.

Ну садко, привет.

Всего наилучшего.

А. Ш.

26. III. 90

Алексей Шельвах - Михаилу Армалинскому

Здравствуй, Миша.

Неделовой, российско-советский образ жизни, - очевидно или вероятно именно он воспитал во мне привычку откладывать, откладывать, откладывать написание ответных писем. Так что уж не обессудь.

Я думаю, что относительно “Записок” да и последних твоих, присланных мне - свежих - стихотворений - мы как-то потихоньку разобрались.

То остались каждый при своём. Разве что добавлю, что и у великого нашего-вашего нобелиата* есть места, которые мне кажутся просто свидетельствами недостатка вкуса / возьму на себя смелость так считать/, в то же время у Цветкова матерная ругать звучит совершенно по-ангельски и украшает его поэзию. Вероятно, всё дело не в теоретических обоснованиях употребления тех или иных слов, а - в близости или - напротив - поэтики читаемого автора.

Никаких книжек я снова не получил. Что-то почта наша продолжает оставаться на высоком уровне ~~гласности~~ нравственности.

Я живу по-прежнему. Покупаю книжки, точу металл, время от времени вдруг сочиняю то стишок, то страничку-другую несчастного своего прозаического произведения

Есть и маленькие радости. Вот на днях получил гранки поэмы о грибах, была у меня такая - и вот, кажется, собираются ее все ж таки печатать в “Роднике”, в N8. Журнал послать, к сожалению, не смогу - они не присылают - да и вообще нынче многие журналы в розницу не продаются - в стране нашей наконец-то и в самом деле не хватает бумаги. Но ксерокопию сделаю и пошлю.

Ну, что же еще сказать. У нас грядут новые времена, каковых мы и представить ранее не умели.

Кстати, не мог бы ты рассказать мне - у вас все же больше гласности, чем у нас, хотя и у нас она теперь есть. GLASNOST? - что у вас там думают и просто-таки знают о Лехе Валенсе.

Меня весьма изумило недавнее сообщение в программе “Время”, что он на каком-то выступлении заявил, что во всех их экономических трудностях несчётных виноваты недоразоблаченные коммунисты и евреи. Для рабочего лидера это в общем-то нормальное высказывание, но - не хотелось бы, чтобы все было так просто. Да и “Время” не дорого возьмет, чтобы соврать. Ну ладно. Не выпустил ли ты еще какую-нибудь ошеломительную книгу?

С приветом. А. Ш.

* имею я в виду И. Бродского. 29. VI. 90

Здравствуй, Митя.

Неделю, российско-советский обзор жизни — очевидно ты вероятно именно он всплывает во мне. привлекли отклиды, отклиды, отклиды и писемца ответных писем. Как это у нас, одесса.

Я думаю, что относительно “Земляк” да и последних твоих, присланных мне — светих — отклиды, отклиды — ты как-то потихоньку разоблачился. Мы остались как при свете. Разве ты добавляешь, ты и у великого измело-васило вообще * есть места, которые мне кажутся просто свидетельством недостатка вкуса /воздух на себя вложить так или иначе/, в то же время у Цветковича материал рожать звучит совершенно по-американски и удерживает его поэзию. Вероятно, везде не в творчестве русских одесситов уместительны тех или иных слов, а — в смысле и/или — неправды — поэтики шиммельного автора.

Никогда книжек и слова не полжур. Чуда-то поэты и мне предидеи отидеи на високон урине ~~полжур~~ иррациональности.

Я пишу по-прежнему. Пишу книжку, пишу стихи, время от времени вижу сочиняю на стихи, на стихи. Думаю неслыханного своего произвольного произведения.

Есть и маленькие радости. Вот на днях получил гранты поэмы уриды, была у меня такая — и вот, кажется, собираю ее в некую посылку в “Роднике”, в Нью-Йорк. Шурши писатель, и кажется, не могу — они не прислаивают — да и вообще поэты много шурши в поэзию не приходят — в стране. поэты писатели, но и в самом деле не хватает денег. Но скорее всего сделаю и пошлю.

Ну, ты не еще сказать. У нас предидеи поэты, кажется, и предидеи ранее не умерли.

Кстати, не можешь ты рассказать мне — у вас все же, правда, мажорность, чем у нас, хотя и у нас она теперь есть, GLASNOST? — ты у вас тоже думаешь и проща-таки знаешь о Лехе Валенте.

Меня весьма изумило недавнее сообщение в программе “Время”, что он не какой-то выступил гавур, ты да во всех их эконимических трудностях нежелательны неформализм. констатируешь и ерши. Ты правее лидера ты в общен-ка нормальная вписываешься, но — не хочется ли, чтобы все было так просто. Да и “Время” не должно возмездием, ты да сберечь. Ну да. Не возмездием ли ты еще как-то, ты да ошарашивать книгу?

С приветом. А.Ш.

* имел я в виду И.Бродского

29.VI.90

Михаил Армалинский - Алексею Шельваху

16 апреля, 1990

Лёш, привет!

Получил твоё письмо от 26 марта. Из него я не понял, получил ли ты моё письмо от 8 декабря 89? Ты, уж, пожалуйста, займись делопроизводительством, и когда пишешь мне, ссылайся на последнее полученное письмо. А пока я делаю вывод, что ты его не получил, потому что там я изложил свои соображения по поводу «низких» слов и прочего, на которые твою реакцию обнаружить в твоём письме не могу. Почему же Пушкин? Да потому что шушеру нужно было вдарить по самому литературно-чувствительному месту, по яйцам, иначе они бы замолчали, не заметили, отвернулись бы от моих мыслей. А так - схватились, завывли. То-то же. Посмотри 10-ый номер «Вопросов Литературы» за прошлый год, там они полностью перепечатали статью из Лос-Анжелесской «Панорамы» про «Записки» и снабдили её скудоумным комментарием. Мейерхольд, например, не оставлял ничего, кроме названия, в своих интерпретациях классических пьес. И ничего, съели.

Но спасибо за чистосердечные признания, из которых я могу лишь ухватиться за твою «полную растерянность» и «невероятное недоумение», от книги для тебя «в высшей степени неожиданной». Я радостно интерпретирую это в свою пользу, ибо сильные ощущения - это то, что я и мечтал вызвать.

Я написал Ли Крофту письмо, заверяя в реальности твоего существования, и подтверждая это документально, ссылкой на твои публикации. Он ответил мне благодарностью и на сём наша переписка прекратилась. Правда он закупил в результате «Записки» на русском и английском. Он пишет рецензии на русское чтиво и преподаёт в Аризоне. Профессор. Больше ничего о нём не знаю.

Читал подборку старых стихотворений Сосноры, в февральской Литературке. Рад за него, что получает общенародное признание. Но его стихи меня оставляют холодным. Что же

касается Ерёмкина, а особенно Лосева, то - да. Лосев - умница и иронист, утончённый и смешной. Но жаль, что в его стихах бабой и не пахнет, будто бы поэзия и женщина вещи - несовместимые. С Ерёмкиным я знаком меньше, но кое-что, что читал, вызывало искреннее.

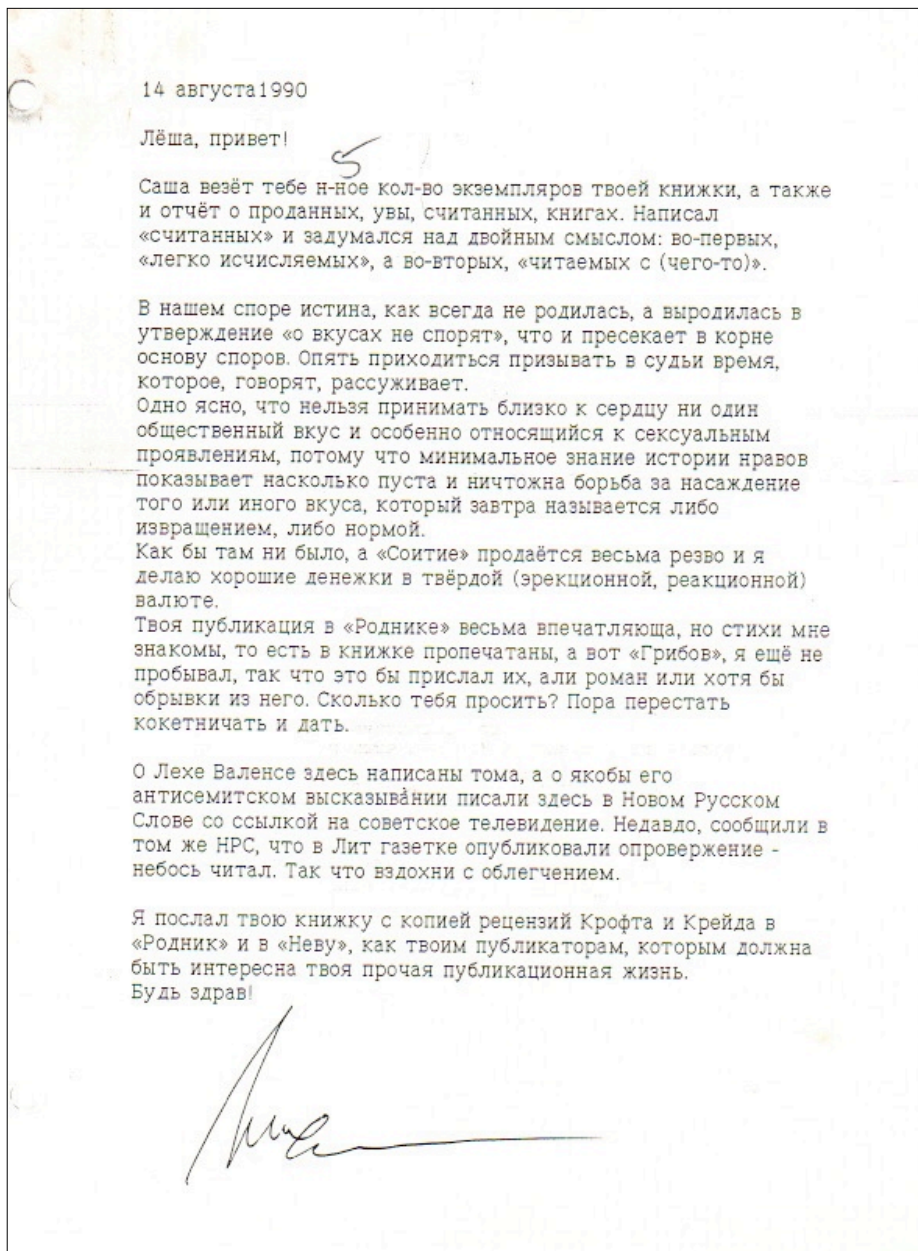
«Прогулки» Синявского - это продолжение писаревщины: он говорит, что Пушкин не так уж и велик, раз он, по мнению Терца, «не развивал, не продолжал, а дразнил традицию». Ну и что ж, если дразнил, коль его за это любили, это даже лучше чем развивать, поскольку традиции лучше всего даже не дразнить, а совокуплять... с собою. «Прогулки» - вещь совершенно не интересная, поскольку суть её убога - принизить произведения Пушкина с помощью вскрытия не лестных, с точки зрения Терца явского, черт характера. Единственное оправдание этой вещи, что она была написана в лагере. Для меня же Пушкин - это жупел и лишь предлог для разговора о моих делах. Его творчества, каким бы оно ни было, я не касаюсь. Да и касаться его бесполезно - оно сделано и ничего с ним не поделаешь. Разговор можно вести только о себе. Под тем или иным предлогом, тем или иным манером, который, предположительно, привлечёт внимание. А суть разговора - откровенность, исповедь до границ, до сих пор не ведомых. «Исповедь» Руссо смешна теперь своей поверхностью и фальшивостью. Генри Миллер растянул границы пошире, натянув общественность. Ну, и я работаю в меру своих сил и... откровенности.

Шлю сегодня авиа тебе твою книжку с «Записками» в нагрузку. Дай их тому, кто не только чувственно, но и литературно прельстится.

Привет Ханану, жене и детям. Можно в обратном порядке.
Твой.

Михаил Армалинский - Алексею Шельваху

Соитие. Альманах русской эротической литературы, 1989
см. <http://www.mipco.com/win/soit.html>

Алексей Шельвах - Михаилу Армалинскому

Здравствуй, Миша.

Спасибо тебе за присланные книги, я их получил. Получил я /и все, из мне известных, людей/ рекламации или как там они называются, - твоей английской версии “Тайных записок”. Но что же, я рад за тебя, значит, это кому-нибудь нужно, как сказал великий пролетарский поэт.

Как мы живем, Ты, наверное, слышал. Хреново. Похоже на то, что “надвигается пиздец”, - так сказал Тимур Кибиров, нынешний наш талантливый весьма...

Книг наиздавали, всласть наговорились, а теперь - пожалуйста бритесь.

Вот смотрю на собранную за последние буквально 2-3 года небольшую, но мне достаточную библиотеку - и думаю: и ведь, когда голодать будем, - не продать ее будет.

Никому она не будет нужна - книги, хоть и по спекулятивной цене, - уже не проблема.

На каждом углу в открытую: и Солженицын, и Набоков и черт те что.

Ну, я тоже пописываю. Все прозу да прозу, с крохотными вкраплениями стихов. В конце года или начале следующего планирует выход моей книжечки - В обойме, - унизительного объема и, скорее всего, пополам с кем-нибудь.

В двух-трех местах /в альманахах/ будут, возможно, мои подборки. Но - ситуация нынче такова, что никто ничего не гарантирует, - все помнят про танки в Прибалтике и пр.

Вот до чего дожили в тихом нашем советском болоте.

Тут по случаю довелось таки мне прочитать две стихотворные книги Лосева и две же - Цветкова. Очень все интересно.

Вышел тут у нас и Саша Соколов, - прозаик во всех отношениях великолепный, но - дочитать до конца крайне затруднительно. А “Палисандрию” - так и до середины - уже два раза - не могу добраться. Ну, ладно.

Живем, стало быть, все так же, только немного хуже.

Всего хорошего. Еще раз спасибо.

До свиданья.

12.02.91

А.Ш

Здравствуй, Миша.

Спасибо тебе за присланные книги, а их получишь. Получил я /и все, из этих издательств, и даже /рекламации или как там они называются, — тебе, а также и Верии „Тайных записок“. Ну еще же, я рад за тебя, знаешь, эта коммунистическая, как сказал великий пролетарский поэт.

Как мы живем, ты, наверное, знаешь. Хреново. То хожу на работу, подвизаюсь где-то, — так сидит Минусинский Кудряков, потешный наш политический деятель...

Книг издавали, все это надо оформить, а теперь — потешнее братья.

Вот смотри на собрания за последние буквально 2-3 года небольшие, но эти дорогие книги библиотеке — думаю: и без того, когда придет бюджет — не продать ее будет. Книжки она не будет покупать — книги, хоть и по спекулятивной цене — уже не проблема. На каждого книгу в откровенную: и Соколову, и Хабисову и зерт тебе тоже.

Ну, я тебе потешно. Все сразу да сразу, с крохотными вознаграждениями от них. В конце года или начале следующего назначается выкуп моей библиотеки — в объеме, — унизительного объема и, скорее всего, напоят с коммунистической.

В двух-трех местах / в алмазах / будут, возможно, мои подборы. Но — ситуация пока такая, что никто ничего не гарантирует — все зависит от партии в Придвинье и т.д.

Вот за это дожили в этом месте оленей и белых.

Тут по сути дело только в том, что презентовать две стихотворные книги Соколову и две тебе — Цветков. Очень все интересно.

Ваша тут у нас и сама Соколов — прозак во всех отношениях величественный, но — дойти до конца крайне затруднительно. А „Полосатый“ — так и до середины — уже два раза — не могу добраться. Ну, ладно.

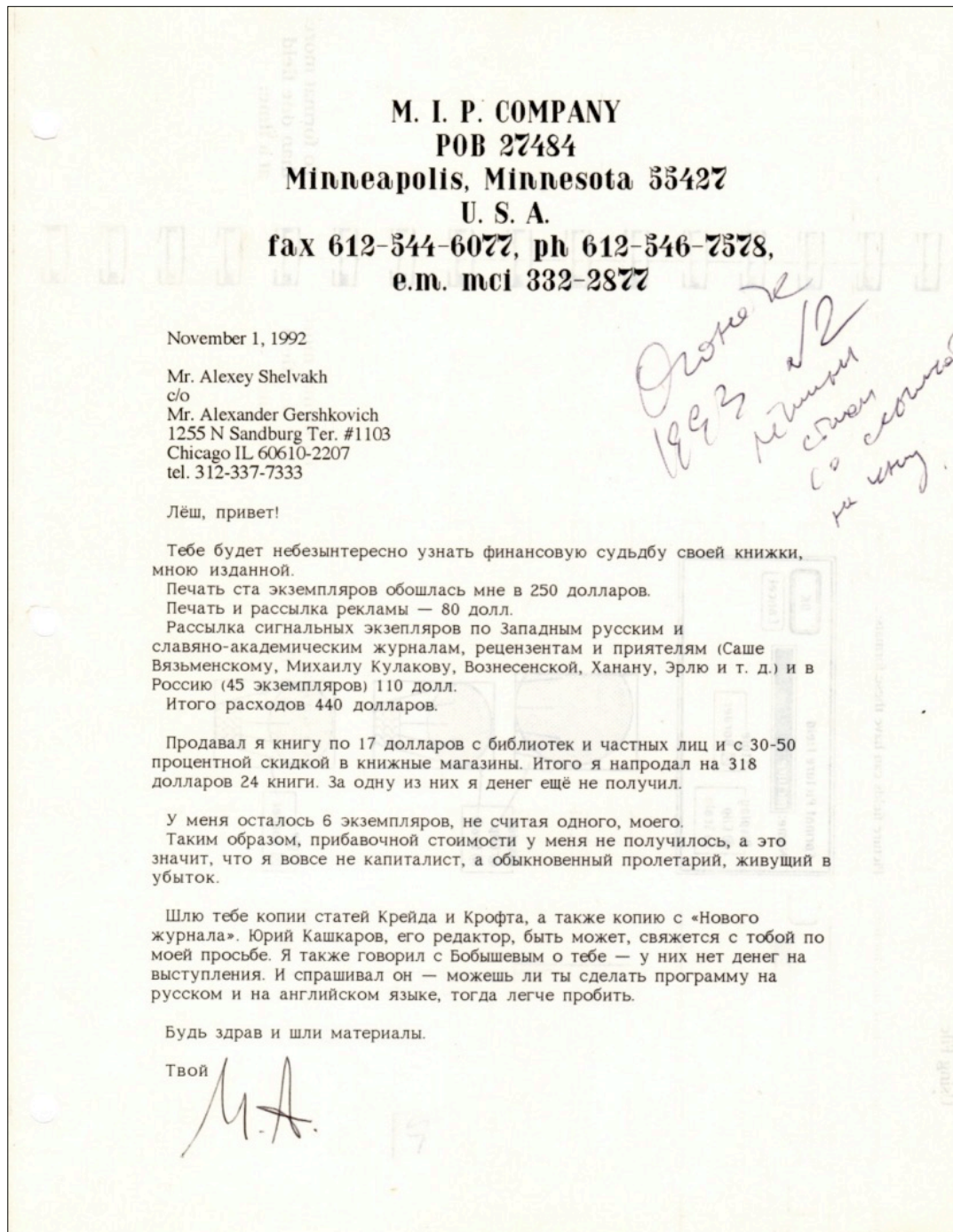
Живем, оленей бьют, все так же, только немного хуже.

Всем хорошего, еще раз спасибо.
За всегда.

12.02.91

А. Ш.

Михаил Армалинский - Алексею Шельваху

Алексей Шельвах - Михаилу Армалинскому

Мища, здравствуй.

Прости, пожалуйста, за задержку.

У меня всё по-старому.

Вот посылаю еще-в-октябре-сочиненное творение, - это, как Евтушенко или Х. Вознесенский - писали стихи о заграничных своих впечатлениях.

23.XI.92

Хорошо на душе от мысли,
что - суббота, что - выходной.
На долбежку матрешки вышли, -
все в блуджинсах, одна к одной.

В парке отдыха над рекою
встретит новую новый друг,
и обнимет левой рукою,
и покажет правой вокруг.

Сядут в лодку. Ему по силам
гнать волну по гнилой реке.
Хорошо целоваться с милым
и тепло в его пиджаке.

Мимо катер. Гогочут в рупор.
Водолазам-то все равно, -
ежедневно один-два труп.
Тащат скользкого как бревно.

Этот парень напился водки
и улегся на дно реки.
Надоели девки, и лодки,
и спасательные круги.

28. XII. 92

Когда я с жизнью жил в обнимку, -
тогда в начале всех начал, -
как человека-невидимку,
я в ней себя не различал.

Не верил Дориану Грэю,
что общая у всех судьба,
центростремительно старея
в зеркальном воздухе себя,

где змеи ползали - восьмерки -
до самого конца недели,
и, как в спирту, в немом восторге
младенцы никуда летели.

28. XII. 92

Зори здесь от влаги лазурны.
Страшен всадник из чёрной меди.
На скамеечке возле урны
спит Евгений в сторону смерти.

В самом деле и холодает,
и летает серая вата,
и морская птица рыдает
как сестра о гибели брата.

Петербургскую эту повесть
с малолетства знал наизусть я,
как, полжизни к жизни готовясь,
спал Евгений в сторону устья

и проснулся в кои-то веки
там, где воздух в кристаллах соли,
где сливаются наши реки,
да и рыбы кричат от боли.

ноябрь 92

*Но зрелость - это США, в которых
звезда с звездой говорит,
а наш перележалый порох
и отсырел, и не горит.*

Гуляя вдоль по Мичигану,
жевая желанный чуингам *(здесь, по-видимому, ошибка - должно быть: жуя - М. А.)*
За сорок было мальчугану,
и был совсем как мальчуган.

И говорил себе с упреком:
“Зачем я там и прожил век
под недреманном дулом-оком
и сению железных век.

Зачем ни разу не пытался
бежать их этих гиблых мест,
и мертвым воздухом питался
и спящих воспевал невест?

Их прелесть перепрела втуне
в стеклянных коконах-гробах
а их Русланы накануне
своих сомнительных рубях.

Я в эти витязи годился
да и сейчас еще гожусь,
и этим жребием гордился,
да и сейчас еще горжусь.

С избытком монопольной браги
я выжрал с ними наравне
с избытком выказал отваги
жить по уши в такой стране,

и детям передал в наследство
свою геройскую судьбу, -
о, вены вздутые на лбу
от затянувшегося детства!..”

Жизнь и смерть не повторяются.
Я и рад бы о другом,
но противно притворяться
даже умным дураком

жизнь чем старше, тем страшнее.
Затупился карандаш.
Да и то, - с петлёй на шее
затянулся репортаж.

Затянулсяб захлестнулся...
Лел на Север эшелон.
В бочке я один очнулся.
Вышиб дно и вышел вон.

Chicagoland X.92
А. Ш.

Милая, здравствуй.

Прости, пожалуйста, за задержку.

У меня все по-старому.

Вот только еще - в октябре - вышла новая творение, -
такая, как Евитюшенко или А. Вознесенский, - много
стихи о зарубежных своих землячествах.

25.XI.92

А.Ш

На зрелость — это США, в которых
звезда о звездой говорит,
а наш переизмыслил пороки
и отсирел, и не горит.

Зурля Зюва по Мичигану,
тевля меланной цукланд.
Эв сорок было мачуганду,
а был свесен как мажуганду.

И говорит себе с упрямом:
„Достен я туйл и прожил век
под недреманной дулом-ося
и сению мерзлых век.“

Зачем ни разу не потылся
бежать из этих шибих мест,
и мертвца воздуха титора,
и тащух востеверт невест?

Их прахоть переправ втуне
в тентеренных коконах-грбах,
а их Руденя пакануне
своих смирительных рубаш.

А в эти витежи подцудя
да и сейчас еще потысь,
и тоти мерзбичи кордудя,
да и сейчас еще кордучь.

С избитком эконогорькой брели
я втирраф с ними паравне,
с избитком виказзи отвязи
жить по уши в талсой стране

и зетля пареддэ в наследствэ
свою переиску судьбу, —
о, вени вздутине на рбу
от зетячивиеное детствэ !..”

A. Melbax

Жизнь и смерть не повторяются.
 Я и рад бы о другом,
 но противно противоречивая
 даже уминая дуракот.

Жизнь так стареет, как и старее.
 Замысливая карьеру,
 Да и кто, — с пенсией на нее
 заменимая репортан.

Замысливая, захватывая ...
 Мерк на Север эмерсон.
 В сожже я один омылся.
 Вонючий што и вонючий вон.

ChicagoLand X.92

A. Sh

A. Shelva

Зари здесь от влзет лазурно,
 Стрелен всадник из черной меди.
 На скамеечке возле урны
 спит Евгений в сторону смерти.

В сапог дала и холодеет,
 и летает серая вата,
 и морская птичка рождает
 как сестра о тебе и брате.

Петербургскую эту повесть
 с молодечества знал и изучать,
 как, по жизни и жизни готовясь,
 спал Евгений в сторону утрат

и проснувшись в кончю века
 там, где воздух в кристаллах соли,
 где обвиваются наши реки,
 где и раба кричат от боли.

ноябрь 92

A. Shelvax

Алексей
Шельвах

Хорошо на душе от шашлы,
этá - субботá, этá - выходной.
На долбежку надрешки выжили,
все в бруджинках, один к одному.

В парке отдыха над рекою
встретили кошку новот друка,
и обнимает левой рукою,
и показывает правой вкруг.

Сядути в лодку. Емю по шашлы
таить болму по тудой реке.
Хорошо целоваться с тудой
и шашлы в его тудожке.

Мимо камер. Золотути в ружье.
Водопад-но все равно,
ежедневно один-два тудина.
Итак же скоростного как фрево.

Тюби нарень напиреа вудки
и удерж на это реки.
Надрешки девочки, и лодки,
и шашлыковые кружи.

00 X 11 82

Алексей
Шельвах

Когда я с жизнью был в общности, —
тогда, в глазах всех людей, —
как человека-неудачника,
я в ней себя не признавал.

Не верил Доротею Зрэню,
это общая у всех судьба,
центросимметрично отбегая
в зеркальном воздухе себя,

где зная познания — вольности —
до самого конца недели,
и, как в стирке, в немом восприятии
младенца никому не летели.

28.XII.92

Миша, эти стихи образуют как бы цикл, название я еще не придумал, но если уж печатать их захочет редактор “Нового журнала”, - пусть делает это в той последовательности, в какой они пронумерованы, - разумеется, с вычетом тех, каковые он захочет вычесть.

Ну, все. Спасибо на добром слове.

Спасибо за все.

Бог даст, - увидимся.

Счастливо.

А. Ш.

28.XII.92

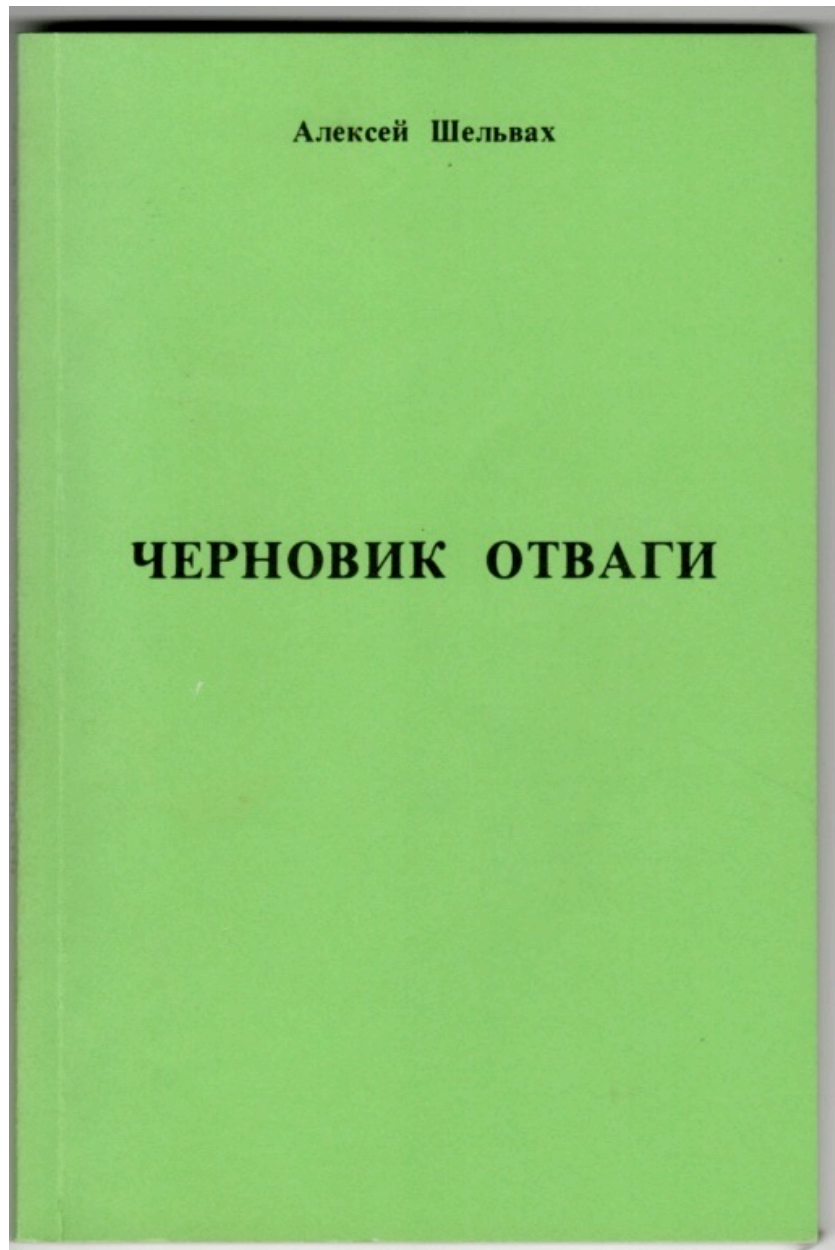
Миша, эти стихи образуют как бы
цикл, название я еще не придумал, -
но если уж печатать их захочет редактор
“Нового журнала”, - пусть делает это
в той последовательности, в какой они
пронумерованы, - разумеется, с вычетом
тех, каковые он захочет вычесть.
Ну, все. Спасибо на добром слове.
Спасибо за все.

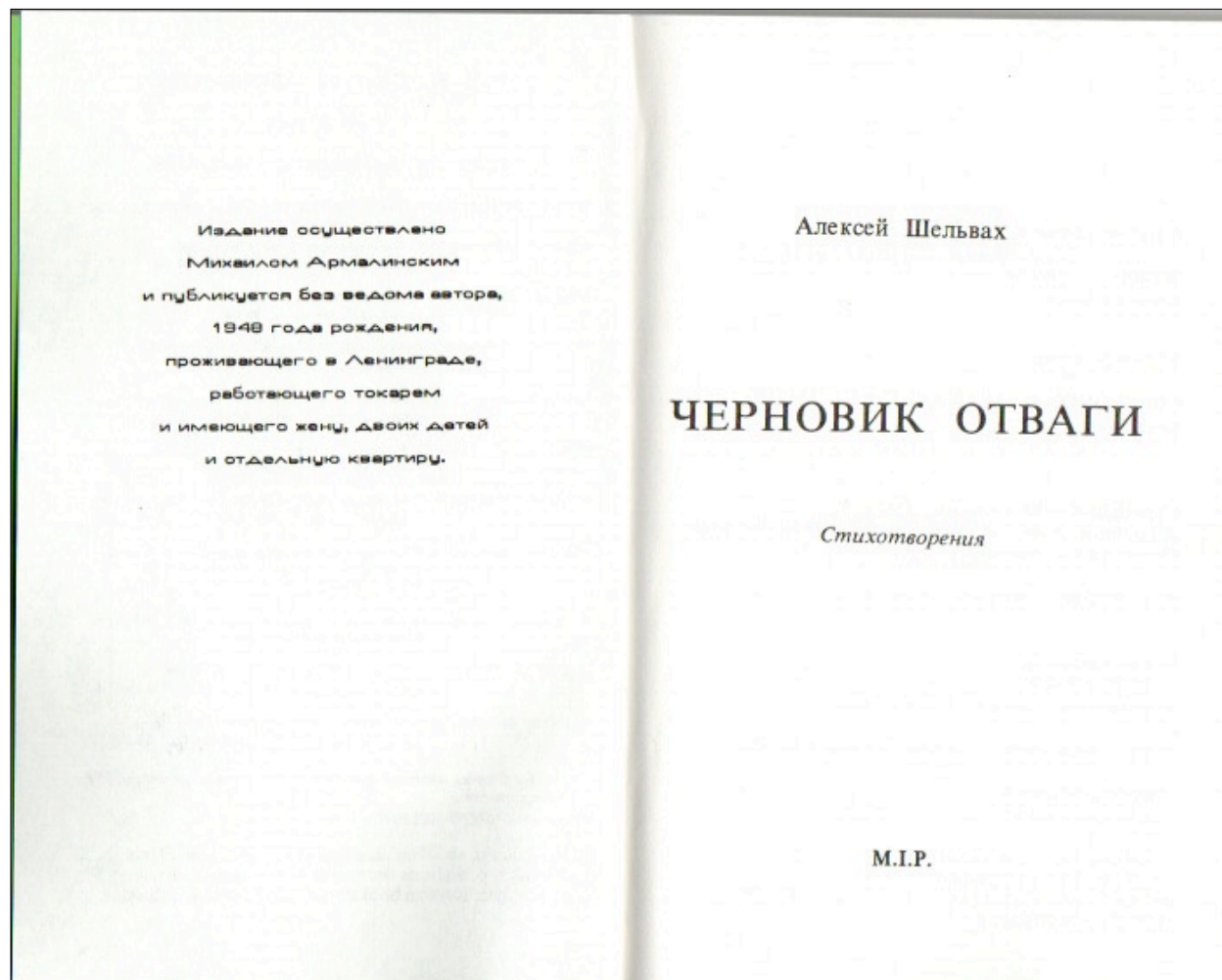
Бог даст, - увидимся.

Счастливо.

А. Ш.
28.XII.92

Ниже дана факсимильная копия книги Алексея Шельваха *Черновик отваги*, опубликованная в издательстве Михаила Армалинского М.І.Р. Сопрнау mirso.com в 1988 году. На страницах книги находятся ручные пометки М. А., исправления опечаток и также изменения в тексте, предложенные Алексеем.

Алексей Шельвах

ЧЕРНОВИК ОТВАГИ
Стихотворения

Aleksei Shelvakh

CHERNOVIK OTVAGI (OUTLINE OF VALOR)
Stikhotvoreniya (Poems)

Copyright © 1988 by Aleksei Shelvakh
All rights reserved under International and Pan-American
Copyright Conventions.

Printed in the United States of America.

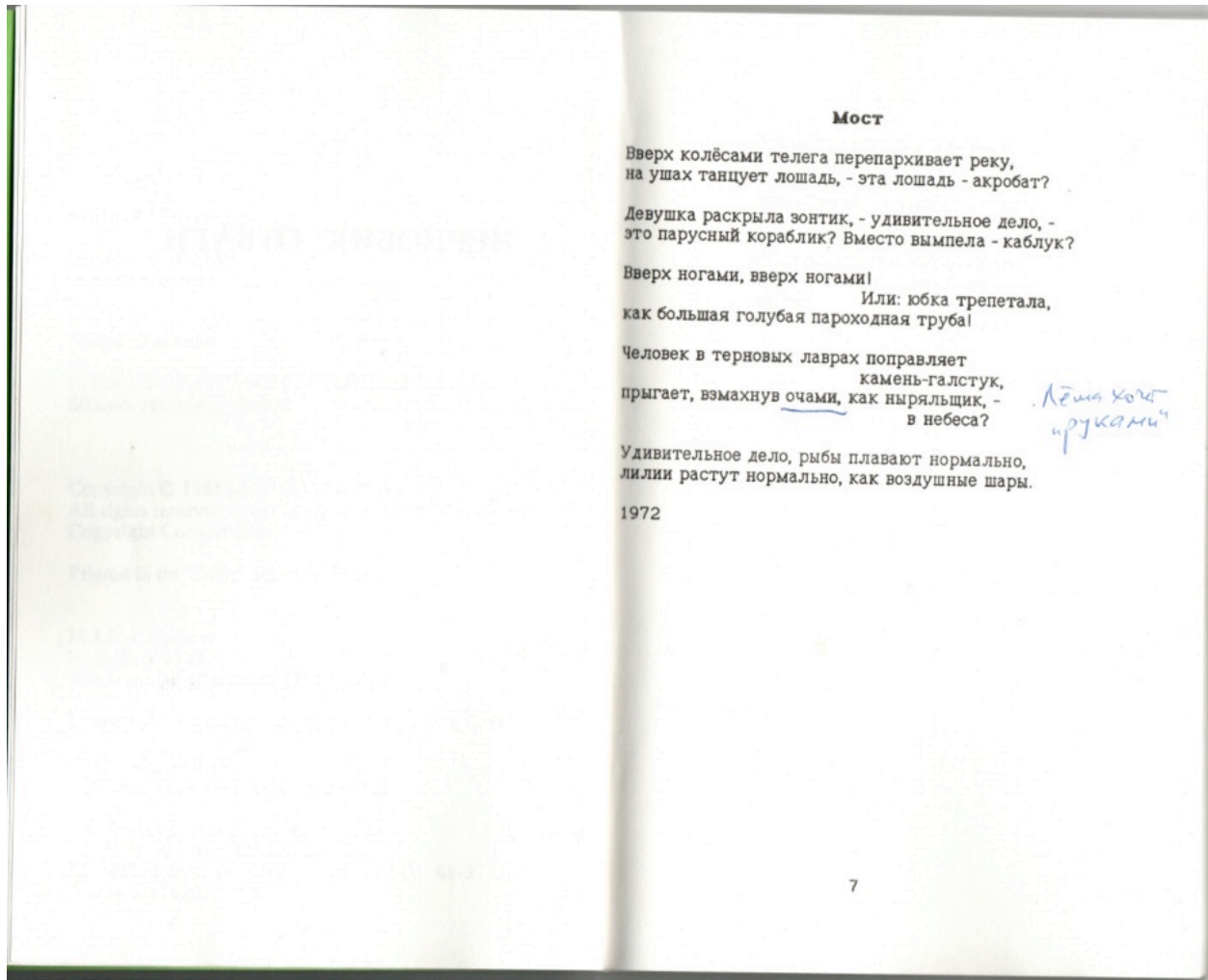
M.I.P. Company
P. O. Box 27484
Minneapolis, Minnesota 55427, USA.

Library of Congress Cataloging-in-Publication Data

Shel'vakh, Aleksei.
[Chernovik otvagi : stikhotvoreniia]

Title on t.p. verso: Outline of valor.
I. Title. II. Title: Outline of valor.
PG3487. E445C44 1988 891.71'44 88-37732
ISBN 0-916201-05-8

ЧЕРНОВИК ОТВАГИ

ВОСПОМИНИЕ

* * *

Птицы на секунду замолчали.
Воздух неба стал, как полотно.
Юными прозрачными глазами
дождь глядел в открытое окно.

Или юность, в миг сердцебиенья,
в тополя упрятав бледный лоб,
прошептала мне стихотворенья
чистые,
прозрачные, как лёд?

А парусник ползёт подробно
и море меряет собою.
И шелестит громоподобно
серебряная ветвь прибоя.

* * *

Плясали скользкие русалки, восклицая:
«Зачем наш изумрудный мозг блистает?
Зачем лишь млечная мигрень в глазах?
Наш Разум в хладных мыльных пузырях!»

* * * * *

Нет русалок, нет рыб.
Океан разорён.
Только Солнце горит,
как свеча похорон.

Только, - где же корабль?
И свобода-судьба?
Только маятник-краб
созерцает себя.

* * * * *

Под льняными парусами
полон кузов пирогами,
да звенит гитара

медных струн печальным ладом!
Да холодным виноградом
полон кузов судна.

12

А штурвал вращает дева.
Несомненно знает дело.
И рука - не дрогнет.

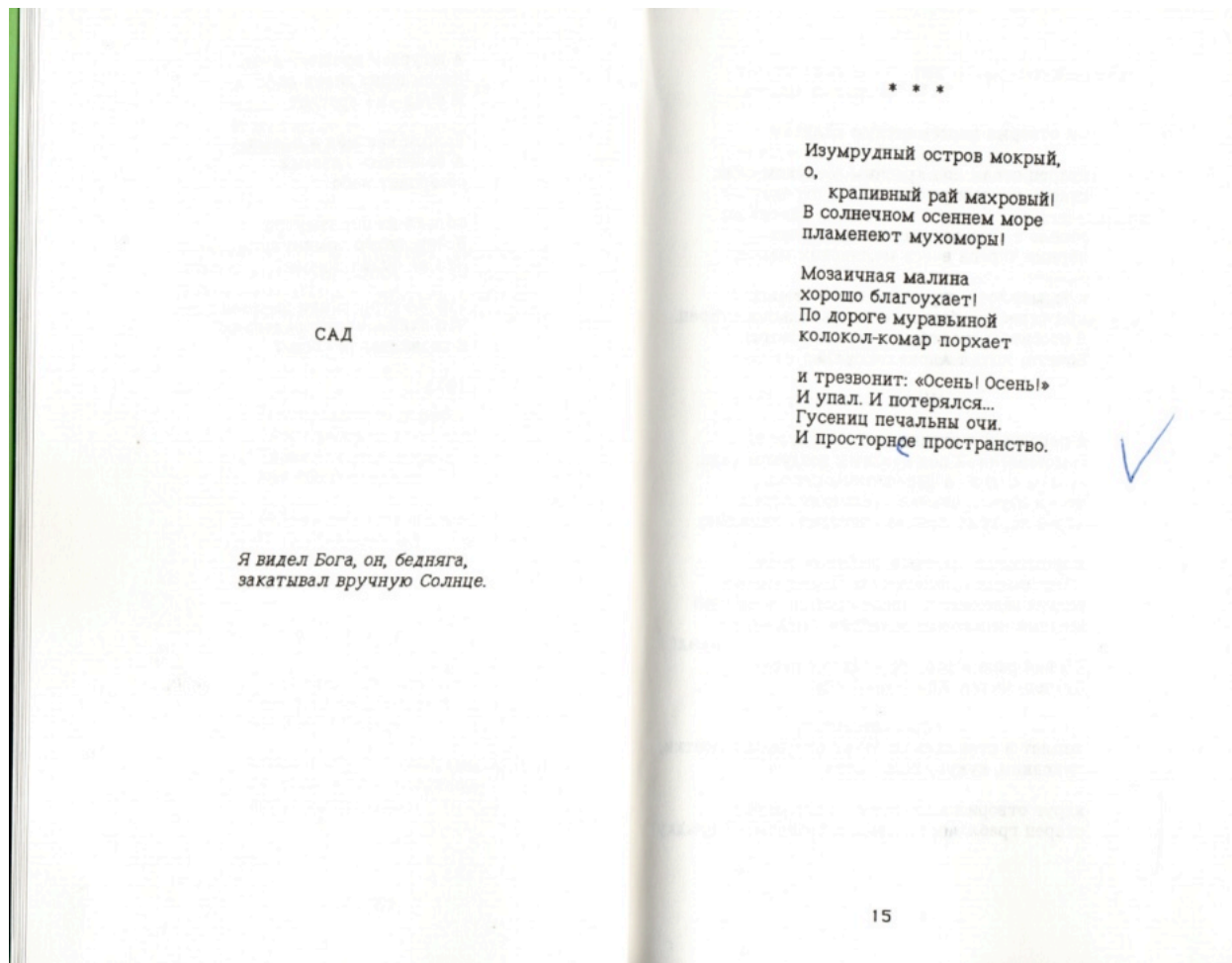
Волосы как мёд и пламя.
А зелёными глазами
созерцает небо.

Облака из перламутра.
Ветер, ветер поминутно.
Что же будет с нами?

Что же струны нам звенели?
Что очнёмся в сновиденьях?
В сновиденьях снова?

1971

13

* * *

...я отворил пергаментную калитку
и -
старец стоял под красным воздухом сада;
старец руками размахивал и стрекотала
десница;
весело в стеклянную банку летели
чёрные черепа вчера малиновых маков;
я засмеялся в страхе за этого старца:
«Ты чересчур беспечен, старательный старец.
В необитаемых небесах зарницы зимы!
Кстати, читал Апокалипсис?»

«Нет», - отвечает,

я перевернул страницу и ужаснулся:
самозабвенный под красным воздухом сада,
старец сидел за деревянным столом;
носом изучал семена - воистину буквы
через лепёшку стекла - воистину книжник;

я засмеялся, - устами, полными слёз, -
«Эти семена - молитвы? О старец, однако
воздух вздохнёт и - пиши пропало молитвы!
Медные насекомые всадники вторгнутся
в сад!

Чёрная раса ворон обрушится с неба!
Старец, читал Апокалипсис?»

«Да», - отвечает,
сыплет в стеклянную банку ракушки, монетки,
луковицы, кукурузные чётки;

вдруг отворил я калитку и остолбенел:
старец граблями вздымал и возделывал грядку!

16

яблоки падали - старец ловил, как жонглёр!
Смехом смеялся!

Эхом я зарыдал:
«Пенсионер, ты очевидно рехнулся!
В пламени александрийская библиотека
древес!
О геенна перегноя под нами! О старец-ребёнок,
перечитай Апокалипсис!»

«Ох, - отвечает, -
эта наивная первая проба пера моего
столько хлопот причиняет. Вот поглядите...»

Яблоки падали в красном воздухе сада.

1972

17

* * *

В саду папирус перепонок,
 слюда чешуек, черепица.
 В саду задумался ребёнок -
 уже секунду не резвится.

Под ним геенна перегноя!
 И червь из Тартара в траве!
 А он осознаёт иное -
 иное небо в голове!

18

* * *

Сколько ужаса в мозгу
 да и на бумаге.
 Буквы смызнова в снегу
 и черны, и наги.
 Здесь промчался бледный конь
 после листопада,
 и горит тлетворный огонь
 в перегное сада.
 Яблоко дырявит червь.
 Свет слепит зеницы.
 И ни разу пеплом жертв
 воздух не затмится.
 Бог и юноша-поэт,
 в букваре повстанец, ем,
 стал через немного лет
 над страницей старцем.
 Эх ты, вечный ученик,
 труженик ты смертный,
 рви на части черновик,
 на себя не сетуй.
 Как над буквами горбат,
 мученик свободы!
 Что же никому не брат
 в бедствиях природы?
 О индивидуалист,
 место знай и время.
 В пламя возвратится лист.
 Возвращайся в племя.

Бог

Кем.

19

ГЕРОИКА

памяти Рафаэла Воячека

нашу дневную бессонницу в стане слепых,
наше позорное бегство на сивых кобылах,

наше отечество без пророчеств, - все в прошлом,
наше четырежды и никуда перекрёстков,

наше ничто человеческое, - желчь желаний,
ни биография, ни - просто - био, -

наших мэтров с руками умно умытыми,
нашу египетскую немоту - мумии звуков,

мел бумаг - мел предсмертных рубаш,
мёртвую душу мою без покупателя,
наш

век - наш страх, юного голода одр
только ты понимала, Ирония,

подлая мама.

* * *

Вот лев из мраморного мыла.
И бакенбарды как мимоза.
Прохожие бегут, как быдло.
Мент наблюдает, как вельможа.

Евгений, на судьбу в обиде,
позорит пьяным шагом город.
Мент, видя и возненавидя,
хватает ни за что за ворот.

Вдоль красных от заката вод,
уставшего от вин и водок,
мент менторски его ведёт
в нелицемерный околоток.

Двуглавым задом так и сев -
орлиная какая поза -
вдогонку им хохочет лев...
Ах, гомерическая рожал

* * *

Поэтом буду - не забуду
прозрачную, как водка, ночь!
Евгений везде и всюду
толпятся гордо в одиночку.

О, осиянные сиренью!
По возрасту им не до сна!
И на устах - стихотворенья,
и девушка, как сон, нужна.

Блистают чёрные каналы
в тени классических колонн.
У девушек ланиты алы,
глаза как лёд, волосы как лён.

И до чего разумны речи!
И робкая (как рок) рука
летит Евгениям на плечи...
Ищи, дурёха, дурака.

Новелла

Над перекрёстком, в слюдяных от ветра сумерках,
летел на месте месяц,
жёлтый, как напополам с водою пиво.

И всем внизу пивом питающимся людям -
обидно было людям
испытывать именно муки
до сих вечерних
и невыносимых
пор.

Зато

в пивном киоске за стеклом окошка
малиновая морда веселилась.

Она, как пишется, принадлежала
бабе.

И объясняла русским языком: « *

На самом деле
она

умела мучить мужиков.

То есть исправен был насос!

Обидно было людям.

Но вместо слов они дымили табаком.

Однако выискался идеолог.

24

И потрясал, как дискобол, рублём железным.
И жаловаться обещал.

Только не знал куда.

И вот и вдруг
не выдержали нервы
и ноги.

Он упал и умер.

Была организована некоторая сутолока,
потому что некоторые желали лично и
своими, знаете, глазами.

А в течение
и вследствие:

четыре юных челобитчика
(так их приходится назвать)
побили человека.

Они -
в плащах волос до пят -
сунулись в сутолоку и...

И наступил нечаянно ботинком
на волосы всем сразу четверым!

И сам испуган был, моргая откровенно!
Подруга о подружку челюсти стучали!

И тогда
один юнец

как размахнулся

да по обеим челюстям!

25

И девушка была.

Она ходила,
как маятник.

Была она бледна
под месяцем
зелёным, как капуста.

Она вздыхала до известного предела -
была утробушка наполнена ребёнком.

И ребёнок
имел, наверно, виды.

И, кто знает,
был одарён способностями.

Но

решилась девушка на выкидыш.

Естественно хандрила наша мама.

А мимо девушки,
как в песне,
шагала рота после бравых банных дел.

И барабанщик
веером из деревянных лапок
почёсывал сухое сиромятное брюшко!

А ротоводец,
демон страстных танцев,
под барабана трель,

руками всплескивал умытыми!

26

(Под мышками держала рота
имущество анахорета:
как самое на свете дорогое,
нательное бельё да мыло дармовое.)

Вдруг
пиво хлынуло!

И люди
с криком одобрения по поводу
как бравой выправки солдат ^{мисб} отечества, *Ленин*
так и починки именно насущенного насоса
хватали пиво за уши!

Малиновая морда бабы
марала воздух салом прибауток.

А челобитчики,
как говорится, увлеклись -
изо всех сил руками и ногами
размахивали!

Что же человек?

Он умолял не предавать ему чрезмерного значения!

Тогда один юнец придумал новшество:

ка-а-к дал по зеркалу души!

Бедняга лёг и притворился мёртвым.

(Многие так делают.)

Но было слишком больно и взаправду завопил.
Глазница вопиющего зияла очевидно.

27

Тут,
кстати или нет,
а пробегала и старушка.

То есть старушка хлебопытная
отправилась за провиантом.
В уме старушкином благоухала булка.
Старушка так решила: «Булку я куплю.
Ассортимент дешёвых булок мне доступен».

Старушка шла и шла и шла и вдруг:
ассортимент дешёвых трупиков...

И села.

И легла.

И требовала, чтобы

нелицемерно милиционер
схватил юнцов за шиворот.

Но чудных челобитчиков
и след простыл.

Зато приехала машина.
(Какая белая! С какими красными крестами!)

Четыре сатанинских санитаров
веером из деревянных палок
погнали стадо по домам.

Люди орали матом.

От имени работников торговли

баба

хулила медицину и милицию.

Но,
волосы позорно растрепав,
по морде надавали треском палок.

И затолкали в белую -
какая чёрная внутри! -
машину.

И увезли...

И стало тихо.

Стало мирно.

Обезлюдил перекрёсток. Только
ходила девушка, пузатая как маятник.

Хандрила наша мама!

1972

Колыбельная

Окна и погасли, и потухли.
Значит, стало и темно, и поздно.
Все отрунули штаны и туфли.
На жену поглядывают грозно.

Вот легли в затылок на подушку,
как солдаты Древнего Египта.
Спи, дружок, и не буди подружку
до утра, - до радио, - до гимна.

У окна

Вчера, спиртным напитком очарован,
я лавры возлагал на стройное чело Вам!
О шельма Вахх! И взоры виноградны!
Пах - пламенный! Персты - прохладны!

Вот сень древес. На лавочке тень старца.
Сей усыплен лучом небес. Горят прозрачны зёрна кварца.
Нашед зерно прозрачное, ребёнок,
Как принц в плаще пергаментных пелёнок,
Печально прокричал: «Зачем сия материя мертва?»
Румяным вихрем (явлен был ребёнок номер два.
Толчок! Толчок! И падают младенцы в сей блестящий прах!
И - плачут оба. Смысла нет в речах!

Как перевёрнутая лира, ковыляет дева. Куплен мне мешок еды.
Перепорхнуть придумала квадратный метр воды.
Миг - лопнул мир штанов! Позорная прореха!
Тень старца тихо умерла от смеха.
Именно мне купила дева булку и табак.
Именно я проголодался. Дело было так:

Вчера был вечер. Гости соблюдали морды поведения.
Терпи, бумага.

Не Вахх. Не Варвар. Черепом стакана я витийствовал однако.
Колодец водки на столе! В ушах звук крови!
Испытывал кружение мозгов - симптом любви!
Вздыхнул - у девы дыбом влас, как в поле злак!
Пришлелица, зачем зажгла свой масляно-зелёный зрак?

Мне скушно, бес. И мне, мне - скушно, Фауст!
..Нас было двое. Напрягали фаллос.
Я щедрым был, как целый Купидон.
Не скопидомничал! Семян излил бидон!
Поил подругу детородным перламутром.
Она гимн Гименею пела утром.

Разговор с женой

«О трижды гений!
Что с того?
Ты отключён от общей сети,
уродец, злое существо,
поющее при лунном свете.

Луна не греет повседневно.
Поэт, моральный свет пролей, -
и будут буквы, как посева,
насушным хлебом для людей.

В России, под жезлом железным,
претерпевая, но терпя,
живут же люди!

И тебя,
как блудную овцу, - жалеют».

...Охранниками распоясан,
о знал бы я, куда войду.
Табличка в Дантовом аду:
«~~но~~ гражданином быть обязан».
Ты!

НАУКА ПОЗЗИИ

* * *

О моя жизнь, - дурачок подставной,
мальчик Алёша с фаллическим носом,
с голосом хриплым и медной струной,
с личным, - конечно, о смерти, - вопросом
в белый, безжалостный лист немоты
возле пустых изумрудных бутылок, -
о мой второй и единственный Ты, -
как барабанит железный будильник!

34

Беглец

Полковник-балагур, слуга всему,
что отвечает государству «да»,
стоял на стуле, не имея роста.
Он долго декламировал доклад:
«Один юнец, босая голова
напоминала ноль в известном смысле
сошёл с ума, намыливая пол
по двадцать пять часов в течение суток.
Он был, конечно, слаб здоровым духом.
Дурак рыдал, потом развеселился,
чрезмерно, как весёлая вдова.
Не вынесла дурацкая психея.
Поутру в чине беглеца убёг».

Полк территориально был таков:
казармы всех гороховых расцветок,
столбы полковников, плакаты криков.
Помимо территории полка,
наш кругозор был далее наполнен
красивыми предметами природы:
навек зелёная воняла ёлка.

Именно в ёлках и в одних трусах,
по данным подлых местных ребятишек,
скитался идиот-однополчанин.

Воскликнула тревогу наша рота
и села в кузова грузовиков.
Ревел мотор. Выл воздух. Мы орали
воинственные хоровые песни.
Потом мотор умолк. Полковник вылез,
мы выпрыгнули, отпрыгнув горохом.
Полковник нам немедленно велел
аукать дурака высоким штилем.

35

И я, как все, аукал дурака!
 Как все, прочёсывал дурацкий ельник.
 Потом вокруг зашелестел ольшанник.
 Потом забрался по уши в малинник
 и перестал аукать (рот стал занят).

Внезапно куст раздвинулся, как веер.
 Воздушным шагом выпорхнули трое.
 Ни думали, ни долго. Получил
 удар в центр лба. Упал я на затылок.
 Поднялся и пошёл, куда веди.
 А привели, понятно, к месту сбора.
 Там все собравшиеся веселились.
 Оказывается ещё две роты
 приехали одновременно с нами.
 То есть примерно триста человек
 на площади в один квадратный ельник
 искали некоего полудурка,
 даже лица его не зная толком.

Мои три конвоира хохотали
 вприсядку и вповалку, - вот умора!
 Плохо вникал полковник в смыслы смеха.
 Как мог, орал на всех. Я улыбался.
 Во лбу горела красная звезда.
 Так и ни с чем поехали обратно.
 Ревел мотор. Выл воздух. Лоб болел
 и был, как тыква. Поделом. Не буду...
 Чего не буду? Ничего не буду!

Злорадные товарищи солдаты
 все лично от меня желали слышать,
 как было дело. Хохотали. Вторил.
 В самом дурацком деле: «Ха-ха-ха».

И кое-как доковылял до коек.

1972

Вещий заяц

Светлее звёзды, звуки тише,
 Луна лучом пытается дол.
 Не дремлют в недрах злые мыши,
 пия от страха валидол.

Им памятно совы паденье
 на шею рабскую зверька.
 При полном взглядов совпаденье
 сову бранят наверняка.

Но жалок этот желчный ропот
 на обречён на неизвестность.
 Вдруг слышат барабанный рокот
 на всю окрестную поверхность.

В часы мерцания мороза
 летит кристалл - алмазна муха.
 Шел заяц в чине виртуоза
 и барабаном тешил ухо.

Он синие косые взоры -
 ну как докладчик в лист бумаги -
 вперял в поля и косогоры,
 колдобины и буераки.

И пел, не ведая кручины,
 талантливо, без дураков,
 кровопролитны годовщины
 правления седых волков.

И - пел, не поводя и ухом!
 Ведь этот аккомпанемент
 отличным окаянным стуком
 весь ропот недр сводил на нет!

...Луны рассеялся туман.
Зарделся воздух на востоке.
И заяц, чувством обуян,
в зверином прыгает восторге!

И засветился белым мехом!
Глаза от пламени, как вишни!
И засмеялся смелым смехом
на всю окрестность или выше!

Мелькали палки-колотушки!
Как флейты, выли снегири!
И барабан гремел, как пушки
в атомном пламени зари!

Состоявшееся самоубийство

*Чёрный юмор что ты вьёшься
Ну што ты вьёшься*

1

Вот иду себе гуляю.
Тонет некто в синем море.
Хладным потом я облился.
На лице белеет горе.

Тонет мальчик! Будет после
в горнем воздухе летать!
Зря надеется малютка
ангелом так шустро статы!

Я - не дам!

Нырнул недаром!
Волн внутри веду осмотр:
вот булатная селёдка,
вот готический осётр.

За вихор тяну младенца -
невеликие труды!
Он, раскрыв уста младенца,
говорит глагол воды.

2

За вихор извлёк из влаги, -
будем без обиняков.
Скромный труженик отваги,
скромно спас и был таков.

«Нет, младенец, рановато!» -

заявляю на прощание.
 Мальчик мне молчит ответно.
 Но уже нашёл сознание.

3

Сызнова себе гуляю,
 скромно ложничая так.
 Обоняю розу ветра
 в иронических перстах.

Тучка ползает прилежно,
 прилегает к небосводу.
 Воронёнок каркнул нежно
 и смешно - на всю природу!

Чувствую хлопок по заду.
 Звук - захлопнутая книжка.
 Обернулся. Изумился -
 мерно молвит мне малышка.

4

То есть тот вития-мальчик.
 Влажен, важен и сердит,
 направляет кверху пальчик,
 мне нотацию твердит:

5

«Ах, темна темница тела,
 но зачем светлица духа,
 если Логика там села,
 как в зеркальном платье шлюха?»

40

Зная постулаты жанра,
 столько стилосом старался!
 О Фома, Фома формальный,
 слишком самосохранялся!

Осмеял себя искусно
 от вихра главы до паха?
 Автор, автор, сколько, сколько
 схоластического страха!

Или данная поэма
 продиктована сомнением
 в ироническом искусстве -
 зрелости за неимением?

Сам не знаю, кто я, толком.
 Только чувствую, что узнан.
 Я - прелестное создание!
 Неужели паспорт нужен?

И давным давно пора мне
 гневом гибели гореть.
 Видит Жизнь, имею право
 на попытку умереть».

6

Так сказал. Молчу и внемлю.
 К смерти сызмала влеком,
 приступает к чёрным волнам
 быстрым белым босиком.

Но имеет мало массы,
 ибо - сколько весит крошка?
 В шею вытолкнут обратно,
 нервно рвёт вихор-ветошку!

41

Гневной пяткой топчет берег!
Умереть - его задача!
Гневым градом сыплет капли!
Понял я причину плача.

7

Подошёл и наклонился,
взял за нижние концы
и швырнул младенца к смерти,
как оружие щипцы!

42

Эклога

Одна из лучших, самых красных, зорь над лугом.
Вот ветер проносится с ему присущим звуком
над изобилием зелёных, синих трав.
За горизонтом стадный топот крав.
Как метроном, попускает кнут.

Как одуванчик, пролетает парашют.

Шпион, из рядовых, под номером трёхзначным,
себя поздравил с приземлением удачным.
Вдруг, сердцем чувствуя наличие пропаж,
решил проверить недвусмысленный багаж.

На почву ставит, как зеницу, чемодан.
«О горе мне! - воскликнул, нервно щупает карман, -
Покуда, как паук, старательно парил,
я записную микро-книжку обронил!
Погибли адреса конспиративных явок!
В карманах ветра звук, от ветра и дырявых!
Мне страшно - башмаку готовит петлю элак!
И нос трепещет на лице, как белый флаг!
За горизонтом возгласы домашней птицы!»

Шпион внезапно слышит свист цевницы.

Приблизился, развёл кустарник, зрит:
как лампочка, на почве огонь горит;
перед пламенем младенец прыгает и видно,
что - Ванятка;
за поясом кнута желтеет костяная рукоятка;
глаза стеклянные; как мокрый мёд, волосы;
как медный бубенец, на шее прыгают часы:
в эмалевом кружке двенадцать числ,
но стрелок - нет!..

43

«И в этом самый смысл?» -
так размышлял шпион чрез решето куста,
покуда пастушок прикладывал уста
к семи, - и сладко, - гласному предмету
всех эклог.

Шпион придумывал общению предлог.

Ванятка свистом инструмента упоён.
В коварные ладоши хлопают шпион.

Ванятка зраком, как зверок, сверкает.

Шпион тревогу пастушка опровергает
тем, что, ладонями всплеснув, сдаётся в плен!
Повинный вид! Дрожание колен!
И на лице, что называется, лица нет...
И непонятно иностранец восклицает:

«О детства изумруд, о Англия древес
в известняковых стенах, - помню сад!
Классический клочок лазури мне отверст.
И слёзы по щекам пылают и скользят.

Вечное отрочество над листом бумаги -
до помрачения зениц!
Успел я только черновик отваги -
зачем секундные порхают стрелки птиц?

Из кроны каркал вран: «Родился он героем
глагола и тоски по идеалу смерти!»
Плачь,
ангелоид!
Вот и не стало юности на свете!

Ещё присутствует чернильная отвага,
но странен звукописи труд усердный.

Не много знал - состарился однако.
Не юноша, - и дышит некто смертный.

Дневные сумерки. Небесный свет
слюду напоминает или пламя.
Я врана выкликал... Ан - отклика и нет
под изумрудными, как прежде, тополями».

Так восклицает иностранец, вовсе не шутя.
Во все лазурные глаза безмолвствует дитя.

Am Poetica

В малиновом шарфе старушка
один на один с небосводом
под мышкой держала подушку
резиновую с кислородом.

Погода на диво лазурная.
Стрекозы летают, как гусли.
И речка золотая, мазутная,
струится в указанном русле.

Обидно: отсутствует жаворонок!
Зато из оранжевой ваты
овечек придумали жанровых, -
классически витиеваты!

Овечка одна - подлый пудель -
страстям своим вдруг потакает:
вот ~~клик~~ навострила, как пулю,
и резервуар протыкает!

От страха бледнеет старушка!
Утечка слышна кислорода!
Залаляли овцы, как ружья,
и ретировались, как рота!

Старушка не запричитала,
не стала ломать свои руки.
Малиновый шарф размотала,
воскликнула что было муки:

«О редкие рыцари духа,
кто подвигом век коротает,
скачите сюда вне испуга!
Прекрасная Дама страдает!»

46

Итак, она шарфом махала.
Однако никто не явился.
О шарфик - на вид опахало -
по тщетному воздуху вился!

Овечки стояли, стояли,
зернистые, как кукуруза.
Потом от стыда застонали
в течение прыгнули грустно.

И плыли, блистая очами
коричневыми, как пластмасса.
И, влажные, гибли печально,
закону Ньютона подвластны.

Старушка свой шарф приспустила.
Причина: погибли животные.
Машина потом прикатила.
Пожарная. Красная. Потная.

Поскольку приметили свьше
пожарники шарфика пламя,
и ринулись быстро, как мыши,
давить огневидное знамя!

Пружина-кишка развернулась!
Напрасны,
напрасные крики!
Старушка в струе захлебнулась
и вся умерла в эти миги.

47

Узник

Как восхитительно я говорил,
перед решётками вольно летал!
Он отвернулся и перьями крыл
только от страха и затрепетал.

Что же смутился я, ангел извне?
Или исчерпана тема темниц?
Чем отличался от брата в окне,
ладно, не ангел, но - птица из птиц?

Что обещал, кроме страха, когда
перед решётками вился, как бес?
Только и страх был слепой, как слюда
необитаемых наших небес.

* * *

Что, дружок, уже и ужас?
В красных перепонках клён-то?
Поперёк души и горла
виноград Анакреонта.

Мы писали, мы устали.
Чепуха о вещих птицах.
Только буквы, как занозы,
как занозы во языцах.

Requiem

Умер однажды советский поэт.
Образовался в шеренге просвет.

Умер от старости. Всё же - увы.
Лучше б, наверное, я или вы.

Горестное триединство утрат, -
член, председатель и лауреат!

Автор идеологических од,
как без тебя будет мыслить народ?

Гордым гуртом или грозной гурьбой
песня твоя нас вела на убой.

Благословляла египетский труд
добычи камня, и угля, и руд.

И хлебороб - тексты были твои -
пел в чистом поле успехи свои.

Юношество, воодушевлено,
как ты мечтал, - оступело оно.

Ты уложился в отпущенный срок
и натворил на столетие впрок.

Был безупречный работник пера.
В литературе зияет дыра.

ФАУСТ И ЕЛЕНА

* * *

Иглы инея на птичьих
сквозняках - зарниц занозы?
Или в небесах античных
медлят гарпии-стрекозы?

Ни души, ни бесов Данта
в биографии ребёнка.
Желчь желаний. Тлен таланта.
Только воздуха воронка.

52

* * *

За меня пишите точку, -
я же на страницах
с Богом бился в одиночку
до зарниц в зеницах.

Но природа захотела -
что я? где я, Боже? -
дева обнимает тело
на нелживом ложе.

Как бедро, моя обида
в лакомых ушибах
возле озера Либида
в лилиях и рыбах.

53

Заклинание

шатенка ли блондинка ли кобылка
кобенится шуткует душка милка
тпру верная мочалка где бутылка
чтоб ото лба шумело до затылка
без этого ни жив ни мёртв курилка
ну сивка бурка вещая ухмылка
в обнимку шатко валко даже пылко
ну честная давалка вот развилка
и дураку горбатая могилка

54

* * *

В голове трактаты-тараканы.
Жизнь как жизнь. Как шапка-невидимка.
Великаны прыгают в стаканы.
Волком воет шавка-нелюдимка.

И на ложе сна отнюдь не в розах -
дева, словно чёрная дыра,
при Луне и при звездах-неврозах
дышит, дышит в спину до утра.

55

* * *

Окно в капустных кочанах алмазных.
 Бумага в очарованном дыму.
 В стихотвореньях Фауста отважных
 все буквы - некоему никому.
 В капустном кочане блестит Луна.
 Обрыдло человеческое нечто.
 Особенно когда искусство вечно.
 Взад и вперёд от двери до окна
 шагает стихотворная машина.
 Волосьяное пламя хромосом
 вокруг Луны струится колесом.
 Ан - не родится ни отца, ни сына.

56

* * *

«Чёрный ворон,
 один как Один
 ты летаешь на белом свете -
 или в самом деле свободен
 от существования смерти?»

Чёрными он пожал плечами,
 на меня секунду глядел
 и вскричал, как птица, печально
 и за мною следом летел.

И запишется эта сага
 на торжественном языке, -
 отпечатки птичьего шага
 на торжественном сквозняке...

*Легла хана
 Тавк и миметизм эта сага —
 дружба-друка, друка и друка —
 стигматы — — —
 на дружбачка Сибиряк —*

57

* * *

Чёрт чернильный на бумаге,
 никому не современник,
 Фауст страха и отваги
 в смертных, но - стихотвореньях!

Вот курлыкают куранты, -
 возвращайся в оболочку.
 Вдумчиво и аккуратно
 напиши простую точку.

Ты талантливый, конечно.
 Но и только. Очень скучно.
 Человеческое нечто
 неужели и не нужно?

Всё равно приедут скоро
 в чёрной, как дыра, машинке.
 Станут текстом протокола
 все твои прыжки, ужимки.

И когда заломят руки,
 пой, поэт, ГБ коварство
 и нетворческие муки
 гражданина государства!

58

Версия Вергилия

Родился я с любовью к искусству.

Моцарт и Сальери

Средневековое столетие.
 Пейзаж, как гобелен, лоснится.
 Через природу фиолетовую
 крадёт красная лисица.

Она под воздухом подводная,
 с пушистым красным перископом.
 И, разумеется, голодная.
 «Накормлена» ещё Эзопом.

Утомлена вечерним кроссом,
 лисица замедляет ход
 и видит перед самым носом
 средневековый огород.

Лисица в рощах огородных -
 разочарована лисица!
 Тут появляется охотник...
 Стрела блеснула, как зарница!

Увы, охотник оплошал!
 Стрела погасла среди звёзд!
 А хищник дальше побежал,
 победный развевая хвост!

Итак, охотник-итальянец
 был по призванию монах,
 по пище вегетарианец,
 по возрасту... в любых летах.

59

В монастыре, почти отшельник,
едва затеплится заря,
летописал до звёзд вечерних
историю монастыря.

И, вовсе отдыха лишён,
по вечерам из года в год
он был ответственным лицом
за монастырский огород.

Дитя времён средневековых!
Диета! Власяница-свитер!
Ворон и вредных насекомых
преследовал, как инквизитор!

А тут и баснословный хищник,
и - промахнулся! Эх ты, книжник,

пора произвести осмотр
прорех в ограде огорода...
Вдруг вздрагивает неба свод!
Ужасно шелестит природа!

Стал воздух - сатанинский вой!
Стал воздух - красная слюда!
Огромная над головой
горит - больно глазам - звезда!

Заруливает в огород
из птолемеевых небес
патрульный, что ли, звездолёт
венерианских ВВС.

Весёлые венерианцы,
все юноши и все спортсмены,
придумали устроить танцы, -
размять себя, расправить члены.

Вот плоская планета. Сели.
Наедает в самом деле.

В зеркальных колпаках до пят
толпятся, прыгают, - потеха!
Вполне как юноши вопят!
И замечают человека...

Смыкаются вокруг монаха
зеркальных монстров хоровод,
а он волнуется однако
за монастырский огород.

Уже влекут, нет, волокут
как был в кабину звездолёта.
Монах в течение секунд
очам не отдаёт отчёта.

Не ради умного контакта
и даже вообще науки, -
решают покатать монаха,
великодушные от скуки.

Монаху мнится запах серы.
Физиономия бледна.
Уже кошмарная Венера
в иллюминаторе видна.

Уже вниманье привлекали
в ущерб рассудку или зренью
великолепные вулканы,
как розовая ветвь сирени!

На заднем плане сих красот
дым, - жёлтый, как овец отары!
Пилообразный горизонт -
скалы, от пламени янтарны!

Как звездолёт внутри сверкал!
Он ужасал аборигена,
как комната кривых зеркал
с единственным окном - в геенну!

Но юношам во всей Вселенной
присуще чувство пресыщенья.
Венецианцы несомненно
не составляют исключенья.

И звездолёт, пугая птиц,
в Италию на миг вернулся.
Монаха выкинули... Ниц!
Он отлежался и очнулся.

Немудрено, что с этих пор
к овощеводству поостыл.
Людей не узнаёт в упор.
А место жительства - пустырь.

На пустыре построил дом,
а после - поселился в нём.

Пергамент он украл, конечно.
Украл чернильницу из меди.
И приключение прилежно
описывал до самой смерти.

Потом в окошко постучал
в плаще дорожном человек,
он путешествовать устал
и попросился на ночлег.

Вошёл, - «Эге, да это труп.
А что за рукописный труд?»

62

Орлиным профилем пришелец
в повествование вникает,
страниц громоподобный шелест
в ушах уже не умолкает.

Над описанием Венеры
от пламени дрожат ресницы.
Нечеловеческие нервы -
читал и дочитал страницы!

Потом вперился в пол очами,
какими видят лишь орлы, -
иное прозирает пламя
и раскалённые скалы...

Эпилог

В зеркальной камере, с окном
в чернильную изнанку тверди,
он плыл и плакал об одном,
что есть и есть, - о смысле смерти!

Или ты спал и видел сон?
А после - умер? Не - проснулся?
Но был пришелец вдохновлён
и весь очами встрепенулся!

И бодро удалился в завтра
и следующие века.
А ты - остался, автор... Автор
чернильного черновика!

И звёзды Хаоса взошли
над плоским мироздания дном.
И люди страстные легли
и дышат коллективным сном.

63

Торжественная тишина -
до звона раковин ушных.
На дне вселенной или сна,
отчаяние, о очнись!

О мы как мы, и век как век,
напишем новую главу:
очнись, отчаяние всех,
для смерти, - только наяву!

Мы все очнёмся постепенно!
Под веками блистают очи!

А гений рыщет, как гиена,
в глухую пору дня и ночи.

1975

СМЕРТЬ ПОЭТА

*Жизнь и смерть не повторяются.
Под железным колпаком
надоело притворяться
даже умным дураком.*

* * *

В яме экзистенциальной
гроб качается хрустальный,
богатырь храпит в гробу,
и пентакль горит во лбу.

Стережёт его сестрица,
у неё в руках синица,
чтобы не восстал в тоске,
лупит ею по башке.

Целый век она хлопочет...
Богатырь во сне хохочет:
снился воздух голубой,
красный конь и вечный бой.

* * *

С мечами ангелы кружатся,
как вертолёт, трепещат!
И люди страстные ложатся
и спят, зубами скрежещат.

Неужто не довлеет дневи?
Замрите, все противу всех!
Но и на ложе сна во гневе
весь извертелся человек.

* * *

Кота несытая утробушка
алкает, например, воробушка.

Прыжок! И - воздух в тщетных лапах!
Комичен кот. Ушёл, заплакав.

Воробушек, в свою же очередь,
жуком унять желудок очень рад.

(Жук, чтобы никаких проблем,
весь, как он есть, оделся в шлем.

Пусть птица, голодом гонима,
разинув пасть, ступает мимо.)

О мы как мы! О век как век!
О все - противу страшных всех!

68

* * *

А вечером в колоде ближних
под топодем добра и зла
лиловый голубь, как булыжник,
летает, раззудив крыла.

Бритоголовый, с красным зраком,
как каторжник или вампир,
сыт пауками или страхом,
он обещает миру мир

и плоти - плеть, и духу - дуло...
А лозунг может быть и лжив.
А что воробушек Катулла?
Воробушек покуда жив.

69

* * *

...И даже дождь как серый дым.
И некого - кого? - о чаше.
И светофор, как серафим,
серебряный, кровоточащий...

70

Эпос

Жил человек по фамилии Атомногрибов,
наш современник...

71

Ещё колыбельная

Небо голубое.
Чёрная сосна.
А над головою
жёлтая Луна.

В жизни или смерти,
а бывает и
хорошо на свете,
страшные мои.

72

Избиение младенца

Голубым бревном луча
в лоб младенцу бьёт Луна!
Он очнулся, трепеща.
Видно, получил сполна.

О Луна, нещадно бей
лоб, невинный лишь на вид!
Сколько (миллион!) скорбей, -
станет старше, - претворит!

Пусть прочувствует он лбом,
что замыслил он в мозгу!
Голубым ему бревном
в темя! Или по виску!

О, трепещет, озарён!
Не забудет и вовек!
Спи,

быть может, вразумлён,
Царь Вселенной, человек.

73

Эпиграф

Я однажды был сиреню,
ждал воды, как ждут свободы.
Задыхался во Вселенной
замкнутого небосвода!

74

*Если иудей,
значит, - улю-лю?
Не люблю людей.
Не люблю.*

* * *

Это мы как мы.
И не обесудь.
В самый смертный миг
с нами был и будь.

В миг насущных жад.
И надежд. И нужд.
Внемли, виждь и даждь.
Не останься чужд.

Этот миг настал
ныне и вовек.
Всех противу - стар.
Млад - противу всех.

Этот миг - уже.
Бьёт будильник смерть.
Помоги душе
сметь или не сметь.

Ты в моём мозгу
наяву во сне.
Помоги врагу
моему и мне.

75

* * *

О творчество! Тремя перстами
священный стиснут карандаш, -
и над бумажными листами
я воздух заклинаю: «Даждь!»

Прозрачная, как воздух, мгла.
Но - изумрудна стеклотара.
Внизу на улице метла
шуршит, как колокол кошмара.

Оставлю всем пустой конверт.
Ах, ствол бутылки - пистолетный!
И облако в окне, - как ветвь
сирени - для меня посмертной!

Я всех любил, а чаще ту,
с глазами, волосами, прочим...
И, творчество, твою тщету
лишь самому себе пророчил.

И отключал телесный низ,
и пережил свои восторги...
И фонетический нарцисс
на лбу моём растёт в итоге.

76

* * *

Луч заката глаза ужаснул!
Да и стрелки часов шелестели.
Постоял у отверстой постели,
стиснул зубы, упал и уснул,
не издав ни единого звука.
И столетник пылился в горшке.
Чёрный кот - о вселенская мука! -
извивался в себе, как в мешке.

Птицы тише и тише свистели.
Луч заката, глаза ужаснул

77

Ода утрення

Набат на Вавилонской башне
застонет шесть призывных раз, -
из одеял восстанет росс,
с женою не закончив шашни.

И монголоид в ковчеге,
и прочий раб, донны дикой, -
всё население великой
Руси... и ты, кичливый лях...

И я, бумаги в стол засунув, -
успею на своём веку, -
встаю в ряды всех этих гуннов,
грядущих к пашне и станку.

Вставай, строитель Вавилона,
и, выполнив, как верный росс,
на месте и прыжки, и кросс,
ищи таблетку валидола.

Слезает нехотя с печи
и бледный Пугачёв Емеля.
О покаянное похмелье.
Повремените, палачи.

Опохмелится быдло буден
и духом здравствует спиртным.
Поэтому и труд не труден,
и вечный бой по выходным.

Цикута - это для Сократа.
Мы в положении ином:
в атомном пламени заката
пей луч вина и пой, Мемнон.

*Мемнон
хочет
узнать*

78

...Запел и я одну из од.
Зачем именно эту начал?
Сыт воздухом и гневом горд
только себя и одурочил.

Я думал, что в стихотвореньях
для образованных людей
я никому не современник
при свете совести своей.

Но свыше раздаётся звон,
торжественно и шестикратно:
«Вернись обратно, гегемон,
о гегемон, вернись обратно!»

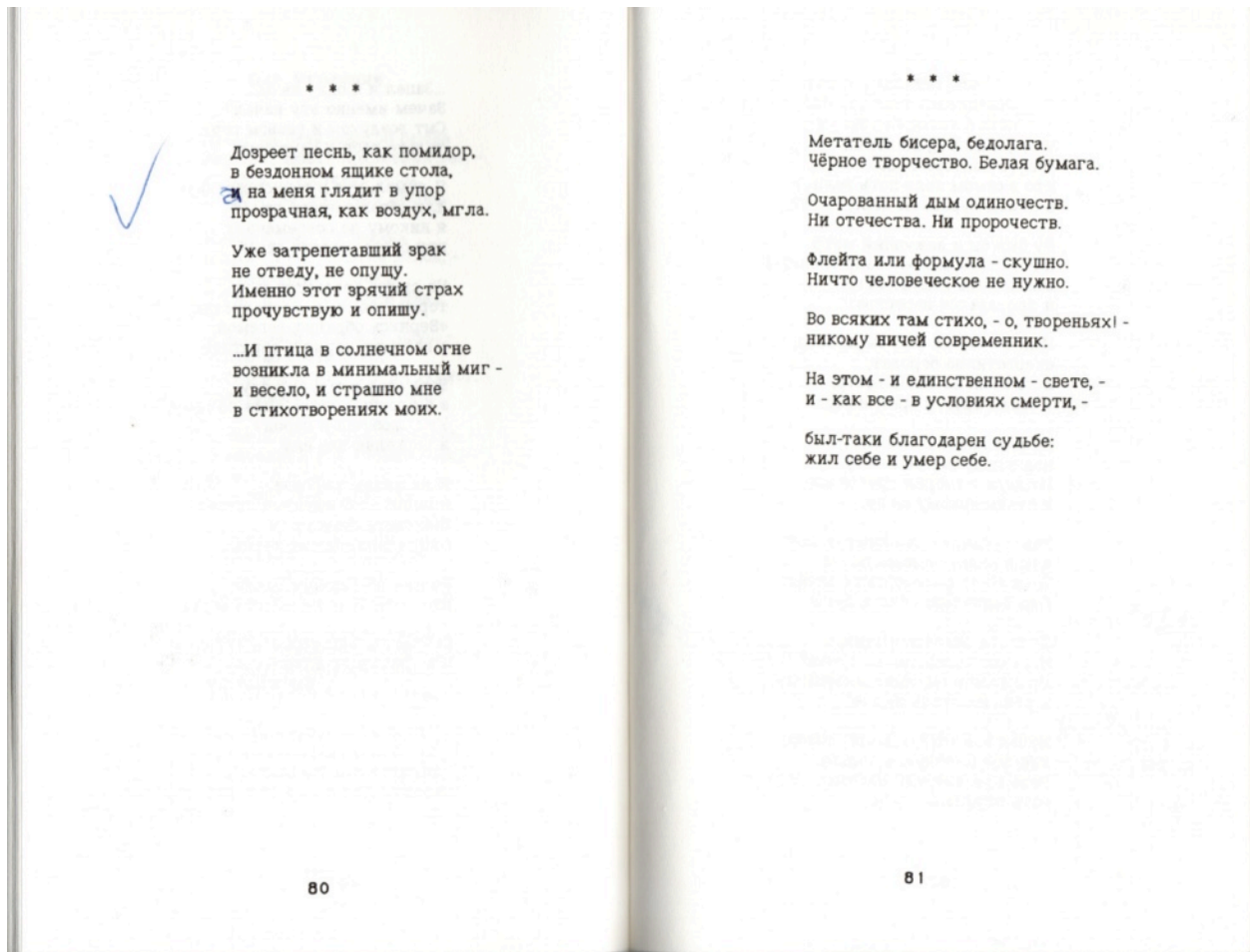
Вернулся и засунул оду
в бездонный стол - быть по сему.
Увы, любезен я народу
и не желаю зла ему.

И не желаю зла себе -
я испытал священный трепет
при свете совести ГБ.
Отпущенное время терпит.

Россия изгнанного Данта
на сквозняках летейской мглы.

Сейчас ты выпорхнешь, инфанта,
и в транспорт впрыгнешь,
как в котлы!

79

* * *

Уже болит в душе полип.
Зовите доктора Годо.
Кто в самом деле петь велит?
В самом дурацком деле, - кто?

Ну был бы я дежурный мэтр
и в жирном жанре (жанр «виват»)
вещал куда подует ветер
и продавался нарасхват.

Или богемный был бы монстр,
стереотипно бородат,
и лыжами на Запад востр,
и бабам друг, и брат, и бард.

Но мне иначе повезло:
под эти дудки не пляшу.
Из двух я выбрал третье зло
и буквы никому пишу.

Как на скале - сто лучших лет!
Как в келье человек-паук!
И - клёкот философских флейт!
Пир Валтасара - бисер букв!

До звона раковин ушных, - *близко к звукам*
Нарцисс чернильного ручья!
Но вспомни ближних и смешных -
и речь воистину ничья.

Ничья как воздух, если - вздох,
как современников судьба.
Ведь поэтический восторг
есть отрицание себя.

*с н. восторг
с н. судьба*

82

Уже и ужас? Да, уже.
Себя крошат карандаши.
Уже глагол болит в душе, -
на всю вселенную души!

*Ничья, как воздух, или ТОЖ
или судьба - одна на всех! -
и поэтический восторг
уже томит, как смертный
грех.*

83

БЕРЕГ МОРЯ

* * *

Повелитель букв,
бисера метатель
да и смертных мук
преодолеватель!
В мире тел и лет
дыры и пробелы,
но зато, атлет,
стилос - как пропеллер!
И таблицы из
мрамора и меди.

Но и жизнь как жизнь
и взыскует смерти.

Автологическое

Смерть как миг.
А умер - что ж,
в лодку прыг
за медный грош.

Плыли. Стоп.
Ни зги, ни ветра.
Тени толп
встречают мэтра.

Обалдели?
Богу букв -
асфодели!
Жалкий пук!

86

Страсти Александра Македонского

Однажды Александр стоял, как Пётр
на берегу от пены мраморного Понта.
И около царя стеклянная цистерна
ещё стояла. И в научных целях.

И начинается поэма: Александр
внутри стекла прекрасно поместился.
Тростинку высунул и даже дышит.
Затем неграмотные негры-лаборанты
толкают в Понт научное стекло.

Присутствует в числе почётных лиц
с визитом из Палеолита вождь пигмеев.
В чёрной ручище верная дубина
как кегля. Сам-то выпуклый как кукла.
Рот до ушей вооружён зубами.
И страшно среди взрослых и смешно.

Покуда все не дышат, Александр
внутри стекла и Понта восторгался:
как лилии, раскрыты клешни крабов!
коралл - как пряник в пурпурных пупырышках!
бревно в броне из бронзовых зеркал -
и помавает плавником багряным!

И этим самым плавником как влепит
через стекло по морде Александру!

Вот негры слышат нервные гудки
в тростинку. Вот вытаскивают.

Александр
свободен от стекла, но весь во власти страсти!
Одна алеет левая ланита!

87

С папирусными свитками, с вопросами
о впечатлениях толпятся летописцы...

Тут происшествие произошло,
протиснулся и встал перед царём
античный ротный прапорщик. Служака
и ветеран, грудь выпятив и зад,
протиснулся с узлом портянок, чтобы
на качество портянок указать,
заботу Александра о солдатах зная.

А то штабные греки, шибко грамотные,
гоняют в шею или по инстанциям,
а вверенная прапорщику рота
тем временем ходи в худых портянках.

Царь слушает. Но - как! Сквозь линзы слёз!
И чувствует себя таким несчастным!
Ещё после подводного позора
он трудно дышит, шумно не отдышится...

И с плачем на лице в сей страстный миг
как надавал по морде ветерану!
За что?

Потом за шиворот хватает!
Потом за шиворот как зашвырнёт
обратно - в только ахнувшее войско!

И узел следом как кочан капусты!

Все пятаются. И только чёрный карла
и кеглю уронил, и сам упал,
и держится за выпуклый животик.

Покуда он хохочет, дурачок,
откроем Элиана.

Этот автор

правдоподобно и, пожалуй, кстати,
описывает страсти Александра
при чтении античных атомистов:

«Однажды Александр на бивуаке,
от скуки или из любви к науке,
взял в руки избранные сочиненья
античных атомистов - для прочтенья.
Итак, губами шевеля, как школьник,
читал. Внезапно побледнел, как мельник.
Лик Александра - и мука, и маки.
Потом наоборот себя взял в руки,
а сочиненья с видом отвращенья
отшвыривает, не закончив чтенья».

И Элиан, пожалуй, справедливо
так объясняет проявление страсти:

«Всю плоскую планету повсеместно
он проскакал, как хорошо известно,
и покори все населенья, или
они вольнолюбиво отступили
на брег в мерцанье мразного тумана
последнего под небом океана.
Под сенью скал ютились населенья
и начали испытывать лишенья,
скорбь выражая в жалком жанре крика.
И умерли от мала до велика».

Тут Элиан, нормальный современник
геоцентрического Птолемея,
почёл излишним обсуждать возможность
через океан отправиться на поиск
всем Александрам недоступной суши,
когда бы на попытку таковую
отважились безумцы населений.

То есть тогда и самые безумцы

не хуже нашего (и лучше!) знали,
что за последним океаном только
стеклянная стена - тупик Вселенной, -
и никаких обетованных сущ.

Иного мнения были атомисты.

Побег, побег осуществлён словами,
что и планета наша (наша с вами)
не что иное как банальный атом
в дыму ему подобных.

«И об этом-
то прочитав, царь и вскочил, и пылко
воскликнул: «Вот, извольте, предпосылка
материалистической науки!
Вот чепуха чернил и вовсе враки!
Трус, трус и трус истолковал пространство
так просто! Так просторно! Так пристрастно!
На дне единственного мироздания
давайте преисполнимся сознанья
безвыходности судеб. С нами боги
недаром подают пример отваги
быть под стеклянным колоколом тверди
богами места, времени и смерти».

Закроем Элиана и вернёмся
на берег Понта.

Звёзды над шатрами.

И только трое бодрствуют из всех.

Вождю пигмеев отвели (ведь вождь)
отдельную палатку. Все удобства.
Что же ему не спится? Осознал
бестактность давешнего смеха своего!
Ручища стискивает кеглю. Ухо
улавливает шорохи извне!

Решает от греха уматывать до света.
И очень пригодится верблюжонок,
подаренный намедни Александром.

И прапорщик обижен в честных чувствах.
Пришёл на берег Понта отдышаться.
Фингал под глазом как фиалка. Звон
в ушах да и понятный лёд в желудке.
Страшится прапорщик: «Сорвут погоны!»

А что поделявает Александр
тем временем не историческим, а личным?

Внутри шатра шатается, как маятник.
Античным алкоголем обуян,
пинками кувyraкает табуретки.
На что обиделся? На оплеуху?
О юноша, - совсем ещё философ!

Эпилог

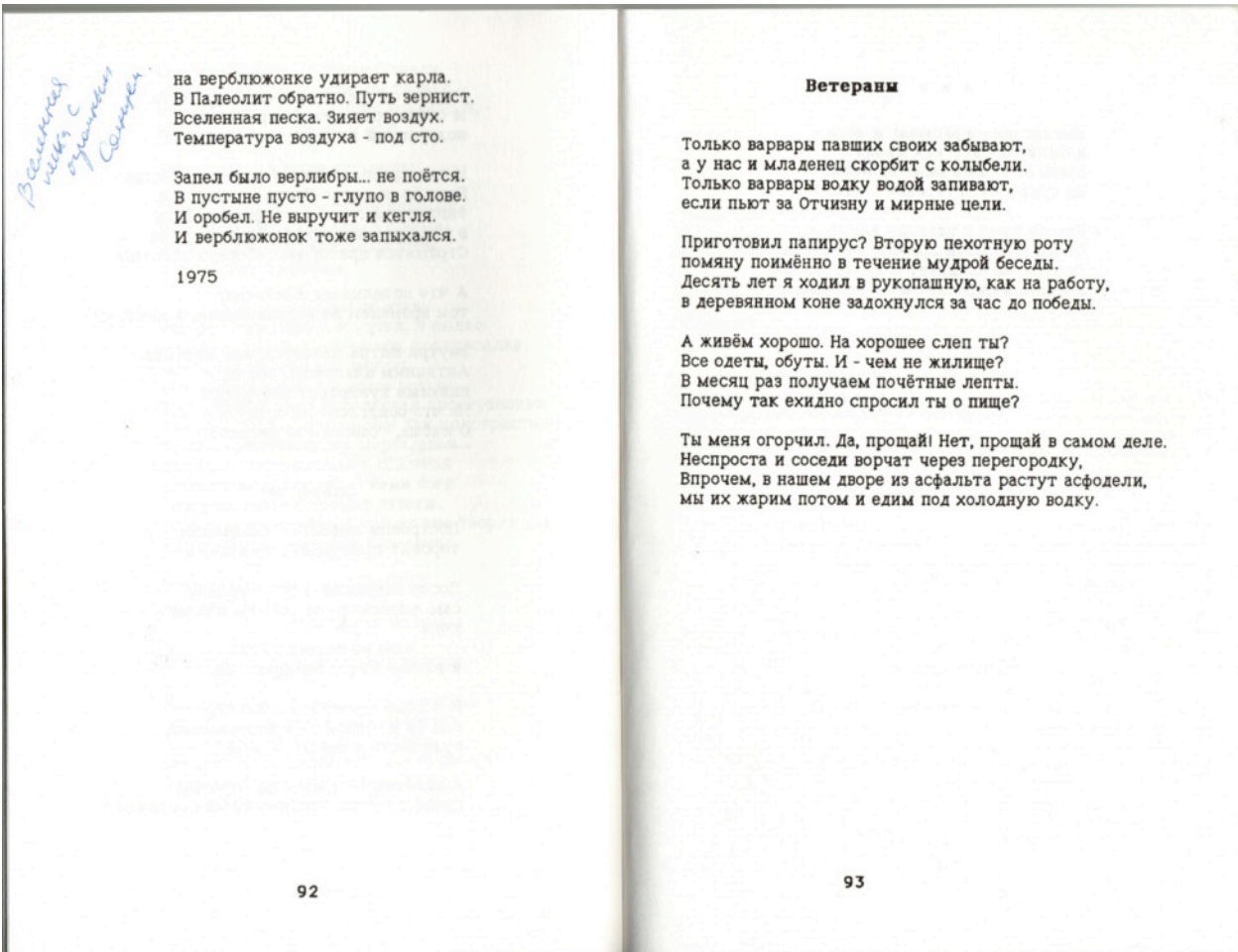
Построены шеренги. Опоздавших
торопят прапорщики тумачами.

После вчерашнего употребления
сам Александр на розовом и резвом
коне

едва не падает с коня
и вообще имеет бледный вид.

И вообще заминка: Александр
как бы колеблется и недоумекает,
куда вести и войско, и себя...

А никаким не временем - пустым
пространством (именно через пустыню)

* * *

Именно мы - и варвары, и дети -
и были поэтическая школа.
Щиты из кожи и мечи из меди.
Из букв и букв героика глагола.

Пехота юная в одеждах алых!
От воздуха мечи дрожат, как свечи!
Смотри, не высыхает соль на скалах,
и воины воскреснут в устной речи.

94

СОДЕРЖАНИЕ

Мост 7

ВОСПОМИНАНИЕ

Птицы на секунду замолчали 9
Бульжники, бульжники, бульжники 10
Русалка 11

САД

Изумрудный остров мокрый 15
...я отворил пергаментную калитку 16
В саду папирус перепонок 18
Сколько ужаса в мозгу 19

ГЕРОИКА

памяти Рафала Воячека 21
Вот лев из мраморного мыла. 22
Поэтом буду - не забуду 23
Новелла 24
Колыбельная 30
У окна 31
Разговор с женой 32

НАУКА ПОЗЦИИ

О моя жизнь, - дурачок подставной 34
Беглец 35
Вещий заяц 37
Состоявшееся самоубийство 39
Эклога 43
Ан Ретиса 46
Уэник 48
Что, дружок, уже и ужас? 49

95

Requiem	50
ФАУСТ И ЕЛЕНА	
Иглы иная на птичьих	52
За меня пишете точку	53
Заклинание	54
В голове трактаты-тараканы.....	55
Окно в капустных качанах алмазных	56
«Чёрный ворон.....	57
Чёрт чернильный на бумаге	58
Версия Вергилия	59
СМЕРТЬ ПОЭТА	
В яме экзистенциальной.....	66
С мечами ангелы кружатся	67
Кота несёт утробушка	68
А вечером в колоде ближних	69
...И даже дождь как серый дым	70
Эпос.....	71
Ещё колыбельная	72
Избиение младенца.....	73
Эпиграф.....	74
Это мы как мы.....	75
О творчестве! Тремя перстами	76
Птицы тише и тише свистели.	77
Ода утренняя.....	78
Дозреет песнь, как помидор.....	80
Метатель бисера, бедолага	81
Уже болит в душе полип.....	82
БЕРЕГ МОРЯ	
Повелитель букв	85
Антологическое.....	86
Страсти Александра Македонского.....	87
Ветераны	93
Именно мы - и варвары, и дети	94
96	

Marketing Отваги

Когда в 1984 году я открыл своё издательство M.I.P. Company <http://www.mipco.com> я прочитал много книг по издательскому делу. Больше всего меня поразило повсеместное утверждение, которое звучало приблизительно так: *Издать талантливую рукопись - это лишь 5% успеха книги, 95% - это marketing.*

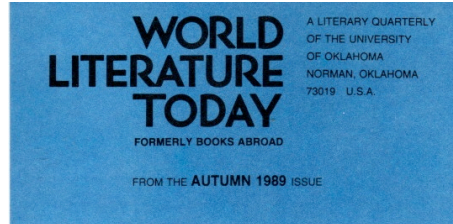
Я всегда помнил об этом законе (который, иногда, как принято, нарушается), и прилагал немалые усилия для продвижения издаваемых мною книг.

Ниже приведены некоторые примеры моих действий по продвижению книги Алексея Шельваха *Черновик отваги*.

В результате, стихи из книги были опубликованы в Канадском журнале *Современник*. Торонто, 1979. № 43/44, в Нью-Йоркских *Новом журнале*, N172-173, 1988, и газете *Новое Русское Слово*.

Рецензия Вадима Крейда была опубликована в *Новом Журнале*, 1989, № 175

На английском языке - в журнале *World Literature Today*.

Aleksei Shel'vakh. *Chernovik otvagi*. Minneapolis. M.I.P. 1988. 96 pages. \$17.

Mikhail Armalinsky, himself the author of seven collections of poetry and stories published by M.I.P. of Minneapolis, relates before the title page of *Chernovik otvagi* (Outline of Valor) that it was he who realized its publication "without the knowledge of the author, born in 1948, living in Leningrad, working as a lathe operator, and having a wife, two children, and a separate apartment." This curious circumstance introduces seven sections of verse: "Recollection," "A Garden," "Heroics," "The Science of Poetry," "Faust and Elena," "The Death of a Poet," and "The Shore of the Sea." The dates on several of the individual poems indicate that the writing took place in the early 1970s.

Most of the poems are short, four to sixteen lines, but in the "Heroics" section there is a six-page "novella" in verse expressing life's aimlessness through the actions of characters observed in a crosswalk. "Our mama," the author repeats, "got depressed." In the "Faust and Elena" section is a seven-page "Version of Vergil" with an epigraph from Pushkin's *Mozart and Salieri*. Here the lighthearted fare includes a visit to Venus by a vegetarian monk, vigilant guardian of the monastery garden.

In general the verse shows considerable erudition, both contemporary and classical. Repeating vocabulary throughout underscores recurrent images. Visual transparency, for example, is frequently expressed by the appearance of "ice," "glass," "honey," "beer," "soap bubbles," and especially "mica." The word *pendulum* (*maiatnik*) is overrepresented as a simile for peoples' gait and as a symbol for elapsing time. It is somewhat curious that this word is also the title of one of Armalinsky's collections of poetry. Is this more than a coincidence?

The sound texture is intriguing and sometimes playful, as when the poet echoes his own name (Shel'vakh) in an exclamation of "Oh rascal Bacchus!" (O shel'ma Vakhk!) in the Blokian poem "At the Window." In this poem also there is a rather graphic sexual encounter in which the poet cleverly coins a Russian verb from the word for "miser" (*skopidom*), capitalizing on its inclusion of the Russian word for "castration" (*skop-*). He writes: "There were two of us. We firned the phallus. / I was generous, like the whole Cupid. / I wasn't stingy [ne *skopidomnichal*]. Of sperm there flowed a bucket. / I soaked the girl with fertile mother-of-pearl. / And she sang hymn after hymn till morning."

Expressing the random thoughts of an independent mind, the poems of *Chernovik otvagi* are clearly ones which would have had little chance of official publication in Leningrad in the early 1970s. Perhaps they could be published there now without adverse consequence to the poet. Mikhail Armalinsky has given them a chance. *Bonne chance!*

Lee B. Croft
Arizona State University

Подавляющее большинство издаваемых мною книг дохода не приносили, в том числе и эта книга (см. мой отчёт в письме от 1 ноября 1992 года на стр. 58). К счастью, моими издательскими действиями руководила не жажда прибыли.

ALEKSEY SHELVAKH
Chernovik otvagi, (Outline of Valor)
 poems, 1988, 97 pages. \$17.00, ISBN 0-916201-05-8

АЛЕКСЕЙ ШЕЛЬВАХ
Черновик отваги
 Стихотворения

Алексей Шельвах родился в 1948 году и живёт в Ленинграде. В СССР опубликовано лишь несколько его стихотворений в журнале «Нева», альманахе «Круг». Всю жизнь он работает токарем, но остаётся поэтом.

Books for Sale (in Russian and English), paperbacks:

MIKHAIL ARMALINSKY

Vrazumlennye Strasty (Persuaded Passions), poems, 1974, 72 pages.	\$7.00
Sostoyanie (The Status), poems, 1975, 94 pages.	\$8.00
Mayatnik (The Pendulum), poems, 1976, 128 pages.	\$8.00
Po napravleniyu k sebe (Toward Myself), poems, 1980, 106 pages.	\$9.00
Posle proshlogo (After the Past), poems, 1982, 108 pages.	\$10.00
Muskulistaya smert (Muscular Death), stories, 1984, 150 pages.	\$11.00
Po obe storoni orgazma (On both sides of orgasm), 1988, 150 pages.	\$23.00

A. S. PUSHKIN

Tayniye zapiski 1836-1837 godov. (Secret Journal 1836 -1837), 1986, 104 pages.	\$18.00
Secret Journal 1836 -1837, (translated from Russian), 1986, 104 pages.	\$19.00

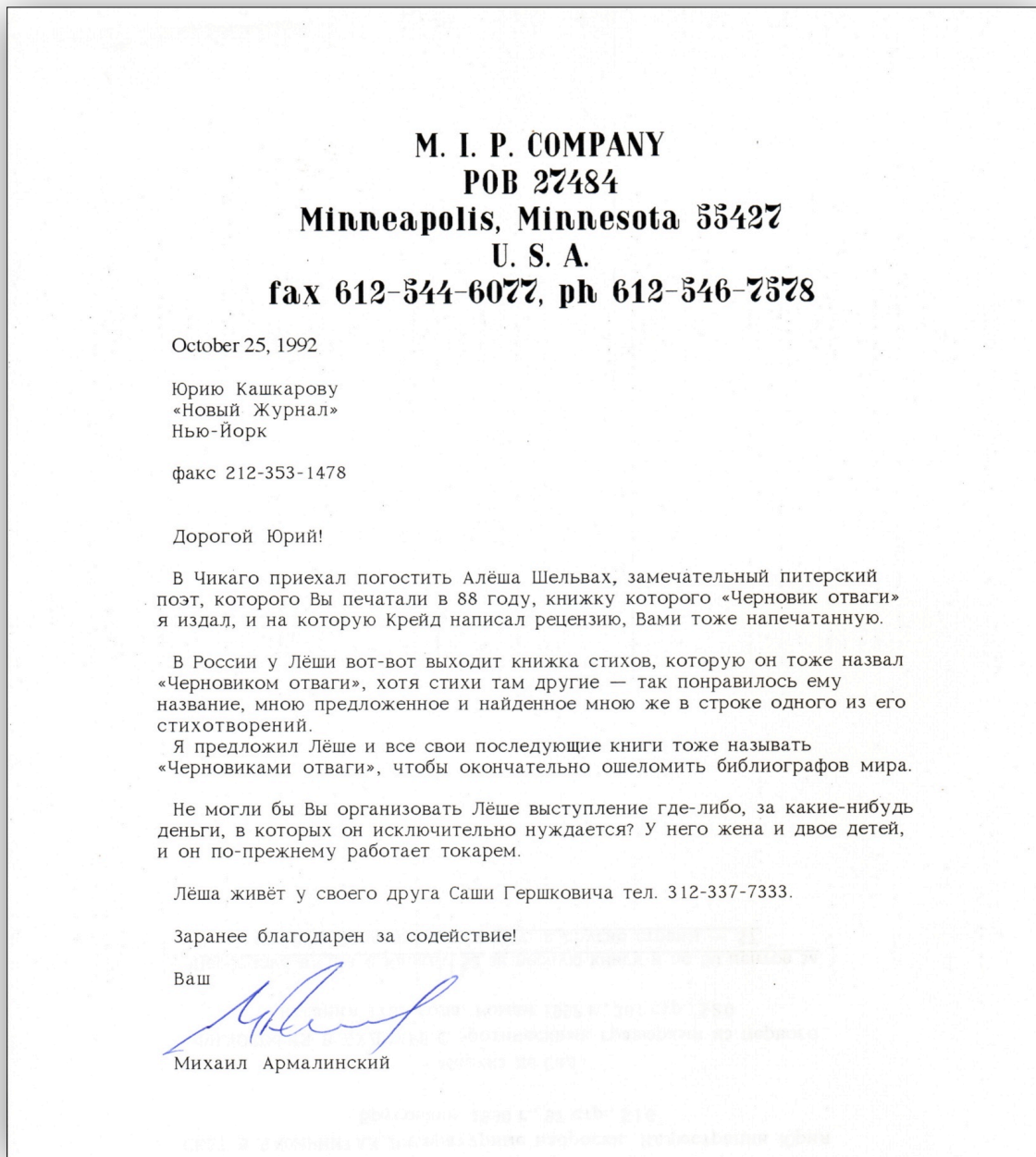
Add \$2 for shipping and handling for USA and Canada customers and \$5 for overseas customers.

Please, inquire about mailing lists of Libraries with Slavic Collections, periodicals devoted to Slavic matters, Slavic organizations, Russian bookstores, translators from Russian.

M. I. P. Company ISBN 0-916201
 POB 27484,
 Minneapolis, Minnesota 55427, USA

Рекламная листовка, которая была разослана по почте в библиотеки, книжные магазины, журналы и газеты и в организации, связанные с русской литературой.

В 1992 году Алексей провёл несколько недель в Чикаго у своего питерского друга. Я пытался устроить ему выступление в каком-либо университете или эмигрантском скоплении. Увы, никто не клюнул. Зато в результате появились американские стихи Алексея Шельваха.

Подобные письма я разослал многим главным редакторам периодики в США и на кафедры русской литературы в университетах

Фотографическая память фотографий

На трёх фотографиях, сделанных 23 апреля 1987 года, запечатлено празднование моего сорокалетия в комнате коммунальной квартиры на Петроградской стороне в Ленинграде, в которой тогда жил Александр Вязьменский (см. alexandermushrooms.com).

Алёша читает свои стихи с поздравлениями на диктофон, куда наговаривали все присутствовавшие, и кассета с записью была отправлена мне в Миннеаполис.

Фотоальбом, который рассматривают, состоит из моих американских фотографий, что я регулярно присылал в письмах. В те времена каждая фотография из Америки была диковинкой.

Алексей начитывает поздравления и стихи

Алексей Шельвах, Александр Вязьменский и Raavo Husen

Алексей Шельвах, Александр Вязьменский и Владимир Брейдо

Книги Михаила Армалинского и под его редакцией

*можно приобрести на litres.ru books.apple.com lulu.com alib.ru
а также в издательстве mirco.com
запросы посылать по адресу mp@mirco.com*

Вразумлённые страсти. Ленинград, Самиздат, 1974, 72 с Книга переиздана в США в 1980 г

www.mirco.com/win/str.html

Состояние. Ленинград, Самиздат, 1975, 94 с Книга переиздана в Канаде в 1979 г

www.mirco.com/win/sost.html

Маятник. Самиздат, 1976, 128 с Книга переиздана в США в 1978 г

www.mirco.com/win/mayat.html

По направлению к себе. Альманах, Лос Анджелес, США, 1980, - 106 с

www.mirco.com/win/sebe.html

После прошлого. Hermitage, США, 1982 -108 с

www.mirco.com/win/past.html

Мускулистая смерть. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 1984 - 150 с

www.mirco.com/win/musk.html

По обе стороны оргазма. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 1988 – 150 с /

www.mirco.com/win/obe.html

Добровольные признания - вынужденная переписка. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 1991 - 312 с

www.mirco.com/win/dobr.html

Двойственные отношения. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 1993, - 68 с. mirco.com/win/dvoi.html

Вплотную. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 1994, 100 с

www.mirco.com/win/vplotn.html

Гонимое чудо. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 1996, 130 с
www.mipco.com/win/chudo.html

Жизнеописание мгновенья. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 1997 - 92 с
www.mipco.com/win/zhiz.html

Чтоб знали! М., 2002, серия: Русская потаённая литература. М.: Ладомир, 2002. – 860 с
www.mipco.com/win/Vozdvizhenskaya.html

Что может быть лучше? М., 2012 М.: Ладомир, 2012. - 528 с
www.mipco.com/win/Lutche.html

Аромат грязного белья. М.: Ладомир, 2013. - 584 с
www.mipco.com/win/Aromat.html

Максимализмы. М.: Ладомир, 2013. - 544 с
www.mipco.com/win/Max.html

Правота желаний. М.: Ладомир, 2017. - 512 с
www.mipco.com/win/Pravota.html

Вызволение сути. M.I.P. Company, Minneapolis, 2021. - 640 с.
Электронная книга
www.mipco.com/win/VizSut.html

Prostitution Divine. M.I.P. Company, Minneapolis, 2014, 227 p.
https://www.amazon.com/Prostitution-Divine-Short-stories-script-ebook/dp/B00OSZVEWG/ref=sr_1_1?dchild=1&keywords=prostitution+divine&qid=1604337691&s=digital-text&sr=1-1

ПАМА и МАПА. Память о родителях. M.I.P. Company, Миннеаполис США, 2023 – 540 с. илл.
www.mipco.com/win/PAMA.html

Полное собрание максимализмов. M.I.P. Company, Миннеаполис США, 2022 – 602 с. илл.
Электронная книга
www.mipco.com/win/MaxComplete.html

Полное собрание Секссе. M.I.P. Company, Миннеаполис США, 2022 –
474 с. илл.

Электронная книга

www.mipco.com/win/SexsaysComplete.html

Полное собрание рассказов. M.I.P. Company, Миннеаполис США, 2022 –
797 с. илл.

Электронная книга

www.mipco.com/win/StoriesComplete.html

Полное собрание стихотворений 1964 – 1997 M.I.P. Company, Миннеаполис
США, 2022 - 492 с. илл.

Электронная книга

www.mipco.com/win/PoemsComplete.html

Книги под редакцией Михаила Армалинского

А. С. Пушкин Тайные записки 1836–1837 годов. (разные издания)
www.mipco.com/SJAd.html

Русские бесстыжие пословицы и поговорки. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 1995, 76 с
www.mipco.com/win/bestiz.html

Детский эротический фольклор. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 1995, – 92 с.
www.mipco.com/win/det.html

Соитие. Альманах русской эротической литературы. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 1989 – 184 с
www.mipco.com/win/soit.html

Де Сад. Философия в будуаре. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 1992, 1993, – 196 с.
www.mipco.com/win/sad.html

Давид Баевский. Парапушкинистика. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 2003 – 400 с
www.mipco.com/win/para.html

Давид Баевский. Парапушкинистика 2. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 2007 – 202 с
www.mipco.com/win/para.html

Давид Баевский. Парапушкинистика 3. M.I.P. Company, Миннеаполис, США, 2021 – 211 с
Электронная книга
www.mipco.com/win/para3.html

«Смерть. Ну и что?»

Переписка Виктора Сосноры и Михаила Армалинского. 1978 – 2019. М.I.P. Company, Миннеаполис, США, 2022 – 148 с

Электронная книга

www.mipco.com/win/SosArmBook.html

«Там и встретимся». Переписка Валентины Полухиной и Михаила Армалинского. 2011-2021. М.I.P. Company, Миннеаполис, США, 2022 - 150 с. илл.

Электронная книга

www.mipco.com/win/Polukhina.html